

Светлана Прокофьева

Пленники
рассудка
и безумия

Светлана Прокофьева

Пленники рассудка и безумия

<https://litres.ru/74518937>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Лидделл, всегда считала, что чудес не существует, пока не стала сиделкой самого странного пациента лечебницы для душевнобольных. Он говорит загадками, от его взгляда замирает дыхание, а смех кажется ей таким знакомым. Почему сердце узнаёт друга детства, которого память упорно отвергает?

С каждым днём граница между реальным миром и Страной Чудес становится все тоньше, а их игра — опаснее. Ставка в ней — время, которого почти не осталось, и рассудок, который так не хочется терять.

Содержание

Пролог. Безумец с третьего этажа	4
Глава 1. Книга, изменившая мою жизнь	9
Глава 2. Мальчик, упавший с неба	18
Глава 3. Краткие мгновения радости	26
Глава 4. Часы без времени	35
Глава 5. Наказание за предательство	46
Глава 6. Учёба и предназначение	58
Глава 7. Заточение и прорехи	66
Глава 8. Взгляд из-под очков	75
Глава 9. Долгожданная встреча	82
Глава 10. Обед и предрассудки	91
Глава 11. Чай с прорехами	99
Глава 12. Подарок из прошлого	110
Глава 13. Слабо — не слабо	117
Глава 14. Когда слухи превращаются в домыслы	126
Глава 15. Разговоры в тишине	135
Глава 16. Маленькая победа — большие хлопоты	140
Глава 17. Небо над головой	150
Глава 18. Говорящий кот порождает вопросы	155
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Светлана Прокофьева

Пленники рассудка и безумия

Пролог. Безумец с третьего этажа

Алиса

Он сидел у окна палаты в инвалидном кресле и казался вполне безобидным для человека, который пребывал в лечебнице для душевнобольных вот уже одиннадцать лет, почти половину жизни.

Даже при дневном свете из зарешеченного окна Мэттью Хэдлесс был похож на призрака, бледную тень, фантома. Только ярко-рыжие растрепанные волосы намекали на то, что передо мной живой человек. Они свисали неровными прядями, стелились языками пламени до самых плеч, горели ярким пятном на фоне серой палаты и такой же больничной пижамы. Он чуть качнулся навстречу мне, и пламя всколыхнулось.

Я осторожно шагнула ближе, поставила поднос с обедом на прикроватную тумбочку, и только тогда наши взгляды встретились. Глубокие глаза Мэттью Хэдлесса с расширенными зрачками и ярко-зелёной радужкой смотрели на меня

проникновенно, с завораживающими искорками в глубине.

Моё сердце замерло.

— Добрый день. Я Алиса Лидделл, ваша новая сиделка, — представилась я, стараясь не делать резких движений. Только шумно вдохнула и захлебнулась ароматом роз, который стелился по комнате. — Доктор Хэйз назначил меня приглядывать за вами.

Главный врач предупреждал, что безумие пациента заразно, а третий этаж лечебницы — нечто вроде лепрозория¹ с одним единственным особенным больным.

Мне стало не по себе от затаенного интереса в его глазах. Он словно что-то подозревал, предвкушал моё появление на пороге палаты. Словно ждал долгие одиннадцать лет заточения именно меня, а не очередную скучную сиделку.

— А я тот самый Мэтт... — произнёс он хрипло, скривив губы в натянутой улыбке, как будто давно не позволял себе радоваться и забыл, как правильно это делать.

Я отступила на полшага, ощутив неприятный холодок, пробежавший по спине. Его движение смотрелось притягательным и отталкивающим одновременно, как у затаившейся змеи. Неудивительно, что Хэдлесс заслужил дурную славу, а слухи о нём походили на мистические предрассудки.

— Мэттью Хэдлесс, — поправила его я, стараясь вернуть дистанцию между нами, которую он только что попытался

¹ Лепрозорий — специализированное лечебно-профилактическое учреждение, созданное для работы с больными.

грубо нарушить. Открыла журнал, занесла карандаш над бумагой, чтобы сделать пометку о наглой бесцеремонности пациента. Задумалась, скользнув взглядом по безликой палате, отмечая некоторую обветшалость. — Как вы себя чувствуете сегодня, мистер Хэдлесс?

— Превосходно, особенно моя нижняя половина, — он кивнул на собственные ноги.

— Простите? — уточнила я на всякий случай и постучала карандашом по журналу, переведя взгляд на пациента. Он что, старался шутить? В его-то положении?

— Я говорю: чувствую себя превосходно, — повторил Мэттью, не переставая нервно улыбаться. — Одиннадцать лет назад мои ноги перестали меня слушаться, и с тех пор остаётся только шутить о них. Привыкайте.

Я кивнула. Сарказм — хороший признак. Значит, это место не убило в пациенте человечность.

Я сделала новую запись в журнале, чтобы спрятаться от горящих глаз. Под пристальным взглядом Мэттью тело отчего-то покрывалось мурашками.

— Прекрасно. Не расскажете, что вам снилось? — следующий вопрос из стандартного протокола. Доктор Хэйз подчеркнул его дважды: наверняка хотел, чтобы я уделила снам подопечного пристальное внимание.

Пациент резко выдохнул, судорожно, как в приступе истерии. Его грудь под серой больничной рубашкой содрогнулась в нервном лихорадочном дыхании.

— Вам плохо, мистер Хэдлесс?

— П-пустяки, — хрипло пробормотал он и запустил пальцы в рыжую шевелюру. Застыл, рассматривая серую штукатурку стены, а затем задал самый необычный вопрос, к которому наша беседа совсем не располагала:

— Как думаете, чем ворон похож на письменный стол?

Я расслышала в голосе болезненную надежду, почти мольбу человека перед казнью.

Повисла тишина. Мэттью с нетерпением ждал ответ, только уголок губ подрагивал, как будто от моих слов зависела сама судьба.

Я задумалась и опустила взгляд в журнал, занесла карандаш, гадая, стоит ли записать и этот странный вопрос.

Вороны — мрачные предвестники бед, весьма умные птицы. Письменные столы — деревянные, коричневые, массивные, предмет гарнитура. Ничего общего. Абсолютно. Но сам вопрос я где-то уже слышала. В памяти всплыли изящные наручные часы с ажурной надписью.

— Эта загадка была на маминых часах, — вслух пробормотала я и заправила по привычке прядку за ухо.

Пальцы Мэттью Хэдлесса напряглись, желваки заострились. Мне почему-то стало неудобно и захотелось оправдаться перед человеком, которого я видела впервые в жизни.

— Простите, я не могу придумать внятного ответа. А какой правильный?

Но лицо моего собеседника уже изменилось. Глаза потух-

ли, плечи опустились, а рука, которую он, как я только сейчас заметила, протянул ко мне, застыла в воздухе и безвольно упала на колени. Хэдлесс болезненно сжался, обхватил плечи руками.

— Не скажу, — прошептал он, зажмурился и сцепил пальцы на плечах.

Мне вдруг стало его жаль. Непрофессионально, глупо и наивно сопереживать тому, кто считался в этих стенах настолько опасным, что у него не было соседей. Но отчаяние Мэттью передавалось мне, отзывалось эхом глубоко в груди и заставляло судорожно искать выход. Время словно замерло, застыло, закончилось на протяжной секунде скорби.

Доктор Хэйз был прав в том, что Мэттью Хэдлесс опасен. Опасен не своим безумием, а чувствами, которые пробуждал во мне, мыслями, которые закладывал в голову. Опасен странной, неуместной близостью, словно мы знали друг друга когда-то, словно я — его единственный потерянный друг, которому он готов довериться.

Глава 1. Книга, изменившая мою жизнь

Мэтт

Мир полон жестокости. Этот факт знал каждый воспитанник приюта Святой Марии.

Жизнь здесь состояла в основном из уроков и обязательных работ. Многие воспитатели называли наше заведение местом покоя, но с таким же успехом можно назвать тюрьму или рабочий дом уютным уголком.

Не было здесь никакого покоя. Были галдящие, как пойманные щеглы, мальчишки, брошенные на произвол судьбы под ответственность взрослых и своих же ровесников. Были воспитатели, которые предпочитали порку ласке, потому что любовь в стенах приюта считалась слишком дорогим товаром. Каждого, кто попадал в это гиблое место и хоть чем-то отличался от остальных — хромотой, заиканием, цветом волос — неизменно сопровождало липкое чувство ненужности, безграничного одиночества. Оно-то и стало причиной многих моих несчастий.

Мне как раз исполнилось семь, когда я нашел эту проклятую книжку.

Не знаю, кому её хотели вручить на Рождество: на ярко-красной блестящей обертке, в которую она оказалась хит-

ро завернута, никто не написал ни адресата, ни отправителя.

Такое иногда бывало, что широкий жест от щедрого попечителя оборачивался для нас горсткой подарков и обильным ужином на Рождество или Пасху. Иногда отправитель не подписывался, а воспитатели не утруждались дарить подарки лично и кидали их в общую кучу.

В этот раз мне повезло. Другие дети словно не замечали подарка под елью, а мне так хотелось получить набор солдатиков, что от одного только взгляда на слегка мятую бумагу все сомнения отпали: там именно они.

Я открыл подарок тем же вечером, в одиночестве, украдкой. Дрожащими руками я сорвал хрустящую обертку, и мне открылась книга в кожаной обложке цвета запекшейся крови. Теплая, хотя в помещении стоял такой дубак, что зуб на зуб не попадал, и шершавая на ощупь, как кожа после долгого пребывания в пруду.

Я осторожно провёл пальцем по названию с золотым тиснением: «Хроника Страны Чудес». Да за такую красоту мой покойный отец при жизни мог бы пировать с месяц. Я держал в руках самое ценное сокровище, которое получал за все семь лет моей жизни. Вряд ли когда-нибудь ещё раз мне выпадет подобный шанс.

Книгу пришлось сунуть под матрас, на котором спал — единственное место в комнате для четверых мальчишек, где безопасно хранить что-то настолько ценное. Той же ночью, когда все заснули, достал её и, шелестя страницами, начал

медленно читать. Не потому, что мне нравилось это занятие, просто хотелось как-то отблагодарить дарителя, хотя бы тем, что я использую подарок и прочту книгу от начала до конца. Большая часть слов оказались незнакома для мальчика семи лет, что огорчало, но я не сдавался и читал по буквам. Их странные сочетания увлекали, звали за собой, как таинственная далёкая мелодия.

В ту же ночь я долго не мог заснуть. Перелистывал страницы, рассматривал картинки, пока не провалился в сон.

Нет, не в сон. Сны обычно состояли из обрывков услышанного, увиденного, пережитого за день. Иногда они сводились к бесконечному падению или тем позорным сценам, когда стоишь у доски, у тебя спадают штаны или выпадают все зубы. В ту ночь я пережил нечто иное.

Стоило мне закрыть глаза, как мир вокруг изменился. Подобное трудно объяснить воспитателю, чтобы тебя не сочли странным или сумасшедшим.

Воздух пах. Не как Лондон, от которого воняет тиной, уличной едой и нечистотами, а цветами. Я ещё помнил, как гулял с мамой по полям, как мы собирали букеты для продажи. Всё это было словно в другой жизни. Меня окутывал пьянящий аромат ирисов, тюльпанов, маков и тяжелая, бьющая в нос вонь кустовых роз.

— Королева будет в ярости, — бурчали прямо над ухом неприятным, скрежещущим тембром, похожим на шуршание игральных карт в колоде. — Скорее, скорее, скорее!

Я вздрогнул и открыл глаза. Надо мной возвышались два самых странных силуэта. Один вытянутый, высокий, раскрасневшийся под цвет его одежды, другой приземистый, весь в чёрном, похожий на перезрелую вишню. Даже лицо такое же: с тёмными провалами глаз.

— Где я? — слова давались с трудом, но, что удивительно, мой голос не дрогнул. Другой бы закричал, вскочил, ткнул в незнакомцев пальцем, чтобы проверить, спит он или нет, а я даже не взвизгнул. Мне тостало любопытно, зачем они шуршали кисточками и перекрашивали белые розы в тёмно-красный цвет.

— В саду Королевы, где же ещё? — усмехнулся один из них, не оборачиваясь.

— Какой Королевы? — уточнил я на всякий случай.

— Нашей Королевы, — прозвучал поспешный ответ.

Никто во всей Британии не упоминал Королеву Викторию, вкладывая в это слово такое боязливое благоговение, с придыханием в конце. Если где и правила какая-то королева, то эти двое боялись её так же сильно, как мы старшую воспитательницу, которая всегда носила деревянную линейку и не раз била провинившихся детей по рукам.

Я осторожно привстал. Вокруг простирался странный, чудесный сад. Больше всего он походил на парк святого Джеймса, куда нас однажды водили на экскурсию: ухоженный, с ровными лужайками, с белыми плитками дорожек, аккуратно подстриженными кустиками и прудом вдалеке.

Где-то в глубине сада, за живой изгородью, которую подстригали в форме шахматных фигур, раздались шаги, и лепестки на ближайшем кусте мелко задрожали.

Лицо человечка, который держал кисточку, исказилось в первобытном ужасе.

— Она идёт, — прошептал он. — Беги, глупый мальчишка. Беги, пока она не увидела, что ты здесь.

Но я остолбенел. Стоял и не мог пошевелиться, как напуганный кролик. Я никогда не был смельчаком, но точно не бросился бы наутёк перед опасностью, а сейчас мои ноги вросли в землю, как те самые кусты с бело-красными розами.

Из-за куста в форме шахматного короля на поляну всплыла она.

Королева.

Я понял это сразу, когда увидел её: женщину с алыми волосами в багряном платье, шлейф которого стелился ковром из засушенных лепестков роз, а корона превосходила голову на добрые три размера. Слишком большая для такой маленькой головы, пусть её алые волосы и были уложены в сложный пучок. Её лицо казалось бледным, почти белым на фоне ярко-зелёной травы, кустов, сизого неба и местной прислуги в чёрно-алых одеждах. Пухлые губки с красной помадой сложились в удивленное «О!», а следом эта прекрасная и ужасная женщина обнажила ряды кристально-белых зубов.

— Кто это? — спросила она тонким, визгливым голосом, смутно похожим на скрежет мела по школьной доске.

Человечки-садовники упали на колени. Тот, что повыше, ткнулся лбом в траву и забормотал:

— Мальчик, ваше величество. Незнакомый мальчик!

— Откуда ты, незнакомый мальчик?

Она обращалась ко мне, а я не мог оторвать взгляда от черных матовых глаз без зрачков, как у большой паучихи, которая нашла свою добычу. Королева взмахнула рукой с длинными острыми ногтями, и только тогда я понял, что не дышал.

— Из Лондона, — произнёс я на вдохе, — из приюта Святой Марии, ваше... ваше величество,

Женщина приблизилась, царапнула мне подбородок, повертела им влево-вправо. Холод её пальцев передавался при прикосновении, а аромат роз забивал нос, мешал думать.

— Интересный. — Мне показалось, что она заинтригована. Только чем именно? Тем, что я меньше всего походил на местную свиту: господ и дам в чёрно-красных ливреях, чьи лица скрывали безликие маски. Мои рыжие волосы даже в нашем сером угрюмом приюте казались бунтующим пламенем, только с ними ничего поделать не могли. Даже бритьё натыло не помогало — они слишком быстро отрастали.

Однако моя шевелюра ещё не повод рассматривать меня, словно букашку под лупой.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросила королева.

— Мэттью. Мэттью Хэдлесс, ваше величество.

— Хэдлесс... Хэттлесс... Хэттер. Какое прекрасная фа-

миллия. Скажи, Мэттью, ты умеешь шить?

Я невольно хихикнул. Её вопрос показался мне ужасно странным. Королевы не интересуются у незнакомых мальчишек семи лет, умеют ли те шить. Они судят, казнят, наносят неожиданные визиты, разъезжают в каретах. Однако в вопросе прозвучало требование. Королева словно намекала, что не потерпит возражений и отказов, даже самых вежливых.

— Совсем немного, ваше величество.

Я не солгал. Мне приходилось иногда ставить заплатки на порванные штаны, потому что они были единственными, пришивать пуговицы, штопать носки. Наши воспитатели считали, что любое умение может пригодиться в будущем.

— Прекрасно, мне как раз нужен болванщик, — она поправила свою инкрустированную рубинами корону. — А у тебя дар, я чувствую это. По глазам вижу, Мэттью Хэттер. Будешь шить для меня шляпы. Самые прекрасные шляпы из самых тонких материй, какие только видел этот мир: снов, слов, невыполненных обещаний, самой ткани реальности. А взамен...

Она наклонилась так близко, что я ощутил запах ее дыхания: сладкий, приторный, с гнильцой, как у перезрелых фруктов.

— Взамен ты будешь приходить сюда, когда пожелаешь. И уходить, когда пожелаешь. Не многие могут похвастаться такой привилегией. А ты сможешь и то, и другое. Разве не

чудесно?

Я кивнул в надежде, что она отпустит меня, разожмёт хватку и перестанет так больно впиваться в мой подбородок. Мне вдруг очень сильно захотелось проснуться, сбежать, потому что такого ужаса я не испытывал даже в минуты, когда линейка раздирала мои запястья в кровь.

— Я хотел бы попасть домой. Можете меня отпустить? — попросил я, слегка дёрнувшись, но алые ногти лишь сильнее впились в моё лицо и заставили посмотреть прямо в глаза. Она с добрую минуту вглядывалась в меня в мрачном молчании.

— Какой прелестный мальчик! — вдруг взвизгнула Королева, резко отпустила меня и захлопала в ладоши. В её чёрных глазах я увидел что-то похожее на интерес. Так смотрит кот перед тем, как схватить мышку. — Я не буду тебя задерживать, Мэттью. Обещаю. Но и ты дай мне слово приходить сюда каждый день. Завтра я покажу тебе мастерскую. Тебе понравится.

Я понял, что мне не понравится. Я не любил шляпы. Я никогда не думал, что шитьё — мой дар. Наоборот, слишком часто мои пальцы оказывались исколоты иглой прежде, чем мне удавалось завязать узелок, но монархам не положено отказывать. Во всяком случае, в окружении их свиты, стражи и придворных.

— Обещаю, ваше величество.

Я склонил голову и получил в ответ легкий одобritelъ-

ный кивок.

— Тогда ступай, Мэттью Хэттер.

С груди словно камень свалился. Меня отпустили, позволили уйти домой.

Королева хлопнула в ладони, и мой мир перевернулся, закружился и провалился в спокойный полумрак зимнего расвета.

Я открыл глаза, прижимая книгу к груди, чувствуя, как стук сердца волнами проходит через обложку. Зажмурился и снова распахнул веки.

Привиделось.

Вокруг были лишь серые стены, белый потолок, запах мыла. Трое моих соседей спали, не подозревая, что произошло рядом с ними. И тем не менее кое-что поменялось.

Стоило мне приподняться в постели, как ноги показались свинцово-тяжелыми, будто на них повесили неподъемные гири. Я пошевелил носком, и от кончиков пальцев к голени прошла волна из тысячи крохотных иголок. Сглотнул, стараясь убедить себя, что скверное ощущение вызвано плохим сном в неудобной позе. И не такое терпел. Однажды, когда у нас прохудилась крыша, мне, как самому слабому и мелкому, пришлось две недели спать на полу, потому что мою кровать завоевали ребята постарше.

Я ещё не знал, что ноги станут платой за переход и свяжут меня со Страной чудес сильнее королевского приказа.

Глава 2. Мальчик, упавший с неба

Алиса

Я сдула коричневый локон со лба, намокшего от зноя. Летний вечер вместо прохлады принёс духоту. Прядь так и норовила выбиться из причёски и отвлекала от чтения книги, которую я тайком стащила из кабинета отца. Я надеялась, что «Атлас» — это что-то про путешествия, заметки какого-нибудь доктора о дальних странах, но там рассказывалось не о странах, а о теле человека, да ещё так скучно, что я невольно зевала.

Мне приходилось пробираться сквозь строчки, как через кустарники чертополоха. Слова произносились, но не задерживались в голове, сливаясь в предложения, отрывки, абзацы. Они текли так же медленно, как и река внизу холма, куда моя сестра Лори ушла играть с подружками, строго приказав мне оставаться под деревом до её возвращения.

Несправедливо. Почему одним можно то, что запрещено другим? Кто устанавливает глупые правила взрослого мира? Сами взрослые? Порой мне казалось, что все взрослые договорились между собой придумать как можно больше нелепых и несуразных правил, но так заигрались, что не смогли остановиться.

Я перевернула страницу, когда крона старого вяза надоевшей зашуршала. Я подняла голову и нахмурилась: ветра не

было. Может, белка? Они иногда забегали в наш сад, как и кролики.

Хруст повторился, усилился, а затем нечто тяжелое проломилось сквозь листву и рухнуло к моим ногам. Листья на секунду застыли в воздухе, а затем медленно опали на распластавшееся на земле тело.

Я вскочила, вскрикнула. Книга выпала из моих рук и приземлилась прямо на траву, раскрывшись ровно на середине. Но мысли о чистоте страниц меркли перед увиденным.

У моих ног лежал мальчик. Примерно моего возраста, может, чуть старше. Он лежал на спине, раскинув руки, и таращился на небо так, словно видел его впервые. Грудь мальчишки часто вздымалась, а безумно радостная улыбка расплылась от уха до уха.

— Получилось! — замороженно прошептал он и потрянул ярко рыжей шевелюрой. Его короткие растрепанные волосы торчали в разные стороны как ворсинки у щётки для пыли, а мышисто-серая рубашка и штаны оказались слегка испачканы в коленях.

— Ты кто? — с опаской спросила я, подхватила книгу как единственное оружие и прижала её к груди.

Он сел, опршись на руки и слегка покачнувшись, словно ноги его не слушались, провёл ладонью по траве и сделал глубокий вдох.

— Получилось! — снова произнёс он, а затем воскликнул радостнее: — Получилось! Получилось! Получилось!

— Что получилось? — Я невольно задрала голову к широкой кроне дерева. Как давно он сидел там, наблюдая за мной, и почему свалился только сейчас?

Мальчишка внимательно посмотрел на меня, хотел что-то ответить, но его оценивающий взгляд проскользил от аккуратных туфелек до ободка на голове и обратно, и с губ слетел только тихий вздох. Я поправила платье, отряхнула прилипшие к книжке травинки и выпрямила спину, как учила мама.

— Это не Лондон, — сделал он очевидный, но бессмысленный вывод. Лондон громадный, шумный и грязный, а здесь вокруг не было ничего, кроме ухоженных лужаек, полей и мирной сельской жизни. Иногда папа приглашал в гости соседей или мы плавали на лодке по реке, но летом, когда стояла жара, делать всё равно было нечего.

— Мы в Оксфордшире, дурачина. — Я скрестила руки на груди и уставилась на него исподлобья. — Ты что, когда падал, память себе отшиб?

Наглый мальчишка помотал головой. Он попытался встать, оперся на руки, но ноги скользнули. Мальчишка насупился и отряхнул ладони. Я поморщилась, глядя, как он пытается встать. Его движения отдавали детской неуклюжестью, как у только что родившегося жеребёнка.

— Я Алиса, — я подала ему руку и он вцепился в моё запястье с силой, которая трудно сочеталась с худым тельцем мальчика, не сильно старше меня.

— А я Мэтт, — смущенно представился он.

Он поднялся, опершись о меня, но стоял на ногах неуверенно. Сделал шаг, покачнулся, но успел схватиться за ствол вяза.

— Послушай, — начала я, не сводя с него взгляда, чувствуя, как стыд заливает всё моё тело, поднимаясь от кончиков туфель до корней волос. Мэттью наверняка что-нибудь сломал, когда падал. Конечно, его и подсматривать никто не просил, но я не могла оставаться в стороне. — Если ты ударился головой или подвернул ноги, мне лучше маму позвать. Она умеет обрабатывать раны не хуже папы. Или дай я сама посмотрю...

— Не надо! — перебил он и вскинул руку так резко, что я в испуге отпрянула. — Не надо никого звать. Пожалуйста.

Мама не раз повторяла, что следует помогать ближнему, говорила, что это лучшее лекарство от праздности, и бездействие меня удручало. Но потом я вспомнила другое её наставление: благовоспитанной дочери врача не пристало оставаться наедине с незнакомым мальчишкой, чтобы соседи не судачили, а папины пациенты не начали задавать неудобные вопросы. Портить репутацию нашей семьи ради какого-то мальчишки, упавшего с неба, мне совершенно не хотелось.

— Это хроническое, — пояснил Мэтт.

Я знала это слово только потому, что папа частенько употреблял его за ужином, когда жаловался на трудных пациентов. Оно означало «повторяющиеся», но рыжий мальчишка в серой спальной пижаме меньше всего походил на знакомо-

го моего отца.

— Хочешь сказать, что ты время от времени падаешь с деревьев? — я в недоумении приподняла бровь.

— Бывает, — он сполз по стволу и прислонился к нему спиной. — Иногда мои ноги затекают, но это быстро проходит. Можно с тобой немного посидеть?

Подобрав юбку, чтобы не запачкать подол платья о траву, я присела рядом. Он то и дело растирал коленки, подвернув штанину, стремясь вернуть ногам подвижность. Мне приходилось иногда обрабатывать раны Эдит, помогая папе, а потому я мельком осмотрела и его повреждения. Кровь на ссадине не поступала, ушиб не припух, но выглядел Мэтт повзрослому сосредоточенным и смущенным.

Я решила вернуться к книге, потому она показалась куда безопаснее разговора с чудаковатым мальчишкой, который натужно сопел рядом. Попыталась вчитаться в слова, но ничего не выходило: его тяжелое дыхание и причмокивание мешали сосредоточиться.

— Откуда ты? — поинтересовалась я, решив завести разговор из праздного любопытства.

— Из Лондона, — пробубнил он под нос.

— У тебя здесь живут приятели?

Мэтт на мгновение замялся. Скользнул взглядом зелёных глаз по мне, по дереву, по книге в моих руках — везде, лишь бы не смотреть мне в глаза.

— Нет, — наконец выдавил он, но разговор поддержал:

— Я сам по себе. А у тебя тут есть кто?

— Только сёстры: старшая и младшая. Но младшая часто болеет, а старшая не берёт меня играть со взрослыми девочками. Приходится читать книги.

Я показала ему книгу, которую читала, а он сморщил нос и помотал головой.

— Ненавижу читать, — честно признался Мэтт, выдернул травинку из-из под ног и сунул её в рот. — Единственный раз, когда я пытался прочесть книгу, изменил всю мою жизнь.

— Разве это плохо? — удивилась я.

— Как посмотреть, — он слегка сморщил длинный узкий нос. — Меня научили шить.

Я хихикнула, приложив пальцы к губам. Шить не страшно и увлекательно, особенно создавать стежок за стежком различные картинки. Вот только от слов мальчишки по телу прошел холодок, несмотря на жару.

Я положила книжку в корзинку с обедом, которыйхватила с собой, и достала оттуда ярко зелёное яблоко, повертела в руках, протёрла наливной бок и подала мальчишке:

— Хочешь?

Глаза Мэтта вспыхнули. Он неверяще посмотрел на яблоко, затем поднял взгляд на меня. Похоже он впервые получал что-то просто так, а не за послушание или по необходимости.

— Можно? — с опаской спросил он, касаясь плода кончиками пальцев. Я расслабила руку, а Мэтт цепко схватил

яблоко, сжав в кулаке. Надкусил. Зажмурился, громко зачавкал, даже глаза закрыл, став очень похожим на мою кошку Дину, разве что не урчал от удовольствия. Редко кто из моих ровесников мог настолько наслаждаться самым обычным яблоком, а он ел неторопливо, но так, словно ничего вкуснее в жизни не пробовал.

И вдруг он открыл глаза и наклонился ко мне близко-близко. Я ощутила странный аромат от его волос. Розы, как душистое мыло, которым пользовалась мама с той разницей, что запах от Мэтта был настолько тяжелым и стойким, что я вдохнула, но так и не смогла выдохнуть.

— Алиса, — обратился он ко мне серьёзно, смотря прямо в глаза. — Давай дружить.

— Давай, — откликнулась я. Мне ни разу в жизни не предлагали дружбу мальчишки и уж тем более не смотрели на меня таким пронизывающим взглядом.

— Алиса Лидделл! — послышался голос со стороны реки. Моя сестра возвращалась с прогулки и явно была чем-то недовольна. Я уже слышала шелест её юбок.

Мальчишка отпрянул, вскочил, опасливо озираясь. Отступил, прихрамывая, сжал воздух растопыренными пальцами, словно пытался ухватиться за невидимую опору. Его ноги всё ещё плохо слушались, но в движениях появилась отчаянная, пугающая решимость.

— Я тебе обязательно принесу что-нибудь интересное в следующий раз, — поспешно выпалил он.

— Куда ты? — я не поняла, почему он так встрепнулся и поднялась следом за ним. — Это всего лишь моя сестра. Лори добрая и никому-никому не расскажет, что застала нас наедине. Вы обязательно подружитесь.

— Я вернусь завтра, — с жаром заверил Мэтт, вертя головой. — Обещаю.

Я хотела схватить его за запястье, остановить и познакомиться с Лори, как подобает, но меня отвлёк очередной её грозный окрик:

— Алиса, немедленно домой!

Я обернулась на одну короткую секунду к сестре, пока она поднималась на холм. В воздухе раздался щелчок, похожий на лязг ножниц. Стоило мне повернуться обратно — мальчишки уже не было.

Только марево от нагретых камней мерцало над землей и огрызок зелёного яблока валялся в примятой траве.

Глава 3. Краткие мгновения радости

Мэтт

Я думал сбежать подальше от приюта и Королевы, но встреча с Алисой всё изменила.

С тех пор я перемещался из приюта в Страну Чудес — через книгу, оттуда с помощью ножниц — к Алисе и наоборот.

Сначала, потому что пообещал.

Я не джентльмен. Моя покойная мама была цветочницей, отец — разнорабочим. Впрочем он проводил время в трактирах чаще, чем приносил домой деньги, пока в одну ночь хмельной бес не довёл его до убийства. Но я не мог подвести единственного человека, который согласился дружить со мной. Тем более девочку.

Я пришёл к Алисе на следующий день, улучив час, когда ребята разбрелись по делам. Во время между ужином и отбоем одни молились, другие играли в карты, третьи читали, а я использовал шестьдесят драгоценных минут на то, чтобы побыть в одиночестве, открыть книгу, начать, как обычно, читать и «провалиться».

За три года путешествий между нашим миром и Страной Чудес мне удалось найти в приюте идеальный укромный уголок возле кладовки, где я мог спокойно уединиться, чтобы

исчезнуть и вернуться, пока воспитатели не заметили. Лишь однажды я доделывал шляпу и задержался в мастерской на лишние пять минут, но взрослые не сразу обратили внимание на моё отсутствие.

Страна чудес охотно приняла меня, своего Болванщика.

В мастерской был разлит тяжелый аромат белых роз, которым никогда не стать алыми. Он скрывался в половицах, на столешнице, им давно пропитались деревянные шляпные болванки и полочки с изящными фарфоровыми баночками. Пока я изготавливал новую шляпку, мне становилось тошно и казалось, что Красная Королева наблюдает за мной.

Но за три года я привык, а жизнь в приюте подарила мне то, чему не научили родители — терпение. Я трудился над прелестными цилиндрами из детского смеха и лепестков маргариток, вшивал в крошечные береты перья и ночные кошмары. Игла и ножницы стали в моих руках не просто инструментами. Они могли работать с более тонкими материями, с самой тканью реальности.

Улучив драгоценные полчаса, которые раньше я тратил на то, чтобы насладиться чаем — единственным напитком в этом странном мире, от которого меня не тошнило, — я схватил напёрсток и крепко зажмурился.

Представить девочку с каштановыми бархатными волосами в голубом платье получилось с первого раза.

Я щелкнул ножницами, аккуратно надрезая пространство. Открылась тоненькая, как ручеёк, почти незаметная

прореха между мирами. Я сунул ножницы за пояс, закрыл глаза и шагнул в неё...

И снова открыл глаза у её ног, глупо улыбаясь. На этот раз приземлился удачнее: слегка завалившись набок и по-прежнему сжимая подарок для Алисы. Вещь из Страны чудес прошла вместе со мной. Не растворилась в воздухе, не осталась в другом мире, а приятно тяжелила пальцы.

— А я гадала, придешь ли ты, — объявила Алиса, заставив меня резко выпрямиться.

Слишком поспешно. На ноги опять наковальной обрушилась тяжесть, которая всякий раз разливалась по телу при переходе из яркой Страны чудес в мрачный приют.

— Почему? — удивился я, не переставая улыбаться. В груди поселилось незнакомое, непривычное чувство веселья. Рядом с Алисой так и хотелось улыбаться.

— Я знаю, что ты фея.

— Фея? — я не смог сдержать смех.

Меньше всего рыжий приютский мальчишка в грязной рубашке походил на фею. Впрочем, что я вообще знал о феях? В Стране чудес они не водились. Там всё было иначе: цветы разговаривали, карты прислуживали Королеве, а над кустами в жаркий день жужжали слонухи: крохотные существа с хоботками, перелетающие зигзагами с цветка на цветок.

— Лори рассказывала мне о феях. Они странно появляются, — начала она перечислять, загибая пальцы, — так же странно исчезают, носят необычную одежду, а ещё...

Я поспешно вскинул руку и разжал кулак, не дав ей закончить.

На ладони лежал напёрсток из белой наперстянки, который я сорвал в саду Королевы. В Стране чудес такие цветы светились по ночам, и, если поднести их к уху, можно было услышать переливчатый детский смех. Их было удобно использовать при шитье, а потому пропажу одного-двух никто бы не заметил.

— Я не знал, что тебе подарить, — я пожал плечами.

Алиса осторожно, двумя пальцами взяла подарок, приподняла, рассматривая на свету, как будто гадала, сумеет ли он рассыпаться от прикосновения.

— У меня тоже кое-что есть, — сказала она и полезла в корзинку. — Я гадала, какая ты фея — хорошая или плохая, — но решила рискнуть.

Она достала два ломтя хлеба с маслом и плед. Разложила прямо его на траве, приглашая меня на импровизированный пикник.

— Я хочу знать о тебе все! — заявила девочка, глядя на меня большими круглыми глазами.

— Что? — я моргнул, не сводя с Алисы взгляда.

— Всё-всё, — она развела руками, присела на траву и сделала приглашающий жест, прося присоединиться к еде. — Где ты живёшь? Почему твоя одежда такая серая? И почему ты пахнешь розами?

Я опустился рядом с ней. Ноги слушались плохо, гораздо

хуже, чем в прошлый раз. Пришлось разминать их круговыми движениями, начиная от мыска к голени.

— Я живу в Лондонском приюте. Одежда самая обычная. Мы все такую носим. А розы — это... — Я замялся, не зная, как правильно объяснить, почему меня преследовал цветочный аромат, куда бы я ни пошел. — Это от работы.

— Ты работаешь? — её брови поползли вверх, а голубые глаза с пушистыми ресницами расширились в детском ужасе. — Тебе же всего девять!

— Мне десять. И я шью, — уклончиво поправил я, потому что рассказывать про Королеву и Страну чудес пока не хотелось. Слишком сложно, слишком странно даже для девочки, которая верит в фей. — Я мастерю шляпы.

— Шляпы? — она хихикнула. — Ты?

— А что такого? — я насупился.

Мне и самому поначалу не нравилось это ремесло, но за три года пребывания в Стране чудес я так привык к своей новой должности, что не мог представить, чем ещё хотел бы заниматься в этой жизни. Каждый одобрительный кивок, ласковое слово от Королевы, когда она оценивала работу, новый день, не лишивший меня головы, укрепляли уверенность, что это мой дар, что иначе быть не могло.

— Между прочим, я болванщик. Это благородная профессия.

Я постарался вложить всю гордость в слова, но Алиса только звонче засмеялась. Смех её был чистый, переливча-

тый, отчего и меня тянуло поддержать её веселье.

— Болванщик, — повторила она, словно наслаждаясь этим словом как куском рассыпчатого пирога. — Это очень глупое название профессии. Болван-щик — это такой маленький болван?

— Я не болван. Я мастерю шляпы, — я показал язык ей в ответ. Пока она не сказала как звучит высокопарное слово, подаренное мне самой Королевой, моя профессия звучала благородно, а теперь мне почему-то стало стыдно.

— Тогда и называйся шляпником, а не маленьким болваном! — показательно обиделась она, но мы оба рассмеялись.

В тот день мы говорили обо всём и ни о чём. Она рассказывала о сестрах, любимой кошке, о том, что ела на завтрак. Я слушал. Я умею слушать — это не сложно, зато часто помогало выживать в приюте. Впервые мне было приятно слышать и отмечать, как журчит ее голос, перекатывается смех, наблюдать как забавно она морщит нос и прикрывает рот ладошкой, стесняясь собственной улыбки.

А потом я снова пообещал прийти на следующий день.

Я приходил снова. И снова. И снова.

Мы читали. Точнее, читала она, а я слушал и передразнивал скучных героев. У меня хорошо получался старый лорд с одышкой. Алиса смеялась, замечала, что я должен выступать в театре. Я не говорил ей, что театр — привилегия богатых, и сцена не для приютских мальчишек. Я просто продолжал играть для неё, потому что мне нравилось видеть её улыбку.

А потом я научился появляться рядом с Алисой не только в саду.

Однажды я свалился в реку, потому что она сидела рядом и плела венки из луговых трав и с громким плюханием обдал весь берег и девочку снопом брызг. Она долго не знала смеяться ли ей или бежать меня спасать, пока я отряхивался от тины и водорослей как вымокшая до нитки дворняга. В тот день мы вместе сушили мои волосы и выжимали одежду. Правила приличия меня мало волновали, а её смех и забота стоили ещё десятка таких случайных купаний в реке.

В другой раз, в дождливую октябрьскую ночь, я оказался в кабинете её отца. Пока Алиса думала, как бы меня вызволить из святой святых и добежать до её спальни, за дверью слышались шаги. Мы едва успели нырнуть в большой платяной шкаф.

В кромешной темноте я с испуга зажал рот Алисы рукой и чувствовал порывистое жаркое дыхание на ладони. Она же обхватила тонкими пальчиками моё свободное запястье. Я слышал её пульс, созвучный с моим биением сердца, и не мог шевельнуться.

Мы молчали, пока не стихли шаги. Только тогда вывалились из шкафа, растерянно глядя друг на друга и не переставая хихикать.

В последний день зимы я появился, застав её лихорадящей в постели. Я не знал, что делать. В приюте для больных была отведена отдельная комната, куда нас переносили и

оставляли до выздоровления под присмотром единственной сиделки. На следующий вечер я спросил у Герцогини банку варенья в обмен на чепчик для её ребёнка-поросёнка. По слухам, оно лечило любые раны: и физические, и душевные, и во всей Стране Чудес не было более надёжного лекарства.

Я провёл всю ночь у кровати Алисы, медленно кормя её с ложечки, рассказывая, как познакомился с Чеширским котом и Мартовским зайцем. Первый вечно сводил всё к философии, а у второго дергался глаз, если он не пил чай, а когда пил — тик настигал оба века. Старался храбриться и не показывать, как от волнения дрожат руки, а она слушала меня, не говоря ни слова, только морщилась от слишком приторного вкуса лекарства. Я бы провёл с ней так всю ночь до утра, но был вынужден снова исчезнуть, когда в коридоре раздались шаги её матери.

Я не знал, что случится, если я останусь, но чувствовал надвигающуюся беду каждый раз при приближении взрослых. Чужие тяжелые шаги с детства означали для меня неизбежное наказание, а потому побег казался самым разумным решением.

Так прошёл год, состоящий из случайных встреч, странных заговорщических взглядов, взаимных улыбок и смеха. Она называла меня Мэттом-Шляпником, я её — Моей Алисой. Мы стали друг для друга маленькой тайной, недоступной для чужих глаз. Мы хранили наш общий секрет так же бережно, как раковина жемчужину. Мне казалось наше без-

заботное время продлится вечно, хотя стоило бы догадаться, что у всего есть конец.

Я не замечал как с каждым разом мои ноги становятся всё слабее, не связывал собственную тревогу с тем, что должен был принадлежать другой, что обязан всем, даже знакомством с Алисой, Красной Королеве.

Мне было невдомёк, насколько ревнивы бывают некоторые женщины и как сильно не хотят отдавать свои игрушки каким-то девятилетним девочкам.

Глава 4. Часы без времени

Алиса

Июнь выдался на удивление прохладным для первого летнего месяца. Пока родители занимались воспитанием Лори, нанимали ей учителей, я вовсю увлеклась медициной, разглядывая папины книги.

Затяжная зима, частые дожди и слякоть унесли слабую здоровьем крошку Эдит. Мы скорбели, как и положено, но провожая сестрёнку в последний путь, я приняла единственно верное решение: папа много раз говорил, что в госпиталях не хватает умных, способных возиться с больными сиделок, что этой профессией зря пренебрегают. К тому же красавица Лори была нарасхват, а значит моя семья не будет бедствовать, и я могла выбрать профессию по душе.

Когда я объявила об этом папе, он не возражал, наоборот, посчитал моё решение слишком взрослым для девятилетней девочки, но всё чаще начал давать почитать мне книжки из личной библиотеки.

В один из вечеров, сидя под нашим вязом, я так увлеклась разглядыванием костей из папиного атласа, что не услышала привычного сигнала появления Мэтта — щелчка ножниц в воздухе и странного ощущения, как будто время растягивается, а потом тут же схлопывается.

— Привет, — раздался насмешливый голос откуда-то

справа, у самого уха.

Я выронила карандаш, но успела перехватить его в воздухе и повернулась к мальчишке, который навис надо мной, опираясь о ствол дерева. Я заметила, как подрагивают его ноги, как он старается изо всех сил скрыть слабость. В последнее время шаги давались ему через боль, пусть он никогда не говорил об этом прямо.

— Ты меня напугал! — воскликнула я, прижав ладони к щекам. — Хватит уже появляться так неожиданно и начини заходить через калитку как все приличные люди.

— Где ты видела сказку, в которой фея заходит через калитку? — искренне изумился он и приложил ладонь к груди.

Мэтт завёл привычку одеваться приличнее, но всё равно почему-то выглядел чужаковато. На этот раз на нём был зелёный камзол, высокий цилиндр и остроносые ботинки, отчего рыжие волосы ещё сильнее выделялись.

— Сегодня ты похож на лепрекона, — я сдула непослушную прядь со лба.

— Твой лепреконт, как всегда, пришёл с подарком. — Мэтт подмигнул и плюхнулся рядом, подавив гримасу боли при сгибе коленей. Я потянулась его подхватить, но он понял мой порыв иначе:

— Не так быстро. Сначала угадай, что я тебе принёс, — он выпрямился и спрятал руки за спину, а на хитром лице расцвела заговорщическая ухмылка.

— Булочку? — предположила я первое, что пришло в го-

лову на голодный желудок.

— А вот и нет, — он театрально вскинул передо мной два сжатых кулака, предлагая выбрать. Я наугад ткнула в левый, но Мэтт разжал пустые пальцы обеих рук, а затем указал на моё запястье.

Я готова была поклясться, что минуту назад там ничего не висело, а теперь его обвивал аккуратный серебряный браслет с инкрустированными часиками. На крышке часов переливалась золотистая причудливая гравюра из тоненьких маленьких букв. Я поднесла часы к глазам, открыла крышечку и с удивлением обнаружила, что стрелки на циферблате застыли на двенадцати, но еле заметно двигались, а механизм громко тикал.

— Какая красота! — воскликнула я, не переставая любоваться подарком. — Что они показывают?

— Наверное, день недели. Или число. Или количество часов до нашей следующей встречи.

— Но... Зачем мне часы?

— Потому что мне их передал один друг и попросил подарить особенному человеку.

Я подняла глаза на Мэтта. Он разглядывал свежую листву дерева и казался таким беззаботным, на щеках лежал румянец, отчего россыпь веснушек ещё больше выделялась как пятнышки у леопарда.

— Особенному? — переспросила я и ощутила, как показывают от жара уши.

Мальчишка задержал на мне настороженный взгляд.

— Тебе не нравится?

— Вовсе нет, они прекрасны, — я погладила ремешок, который оказался великоват и болтался на запястье. Часы как будто предназначались какой-нибудь знатной особе с руками-веточками, маленькой девочке носить их было бы неудобно. — Но ты опять слишком щедр.

— А это тебе на день нерождения, — отмахнулся Мэтт и тут же пояснил: — Я подумал, зачем дарить подарки только на день рождения, если остальных дней для праздника гораздо больше?

В ответ я рассмеялась, забыв прикрывать рот ладошкой. С ним можно было быть искренней и не бояться, что он сочтёт что-то неприличным. Мэтт выдумывал странные праздники, дарил невозможные вещи, и в его присутствии мир становился волшебнее, словно даря кусочек совсем другого места. А теперь он смотрел на меня так, словно часы были простой безделушкой. В моем сердце разливалось странное, необъяснимое, заполняющее пространство между нами светлое чувство единения.

Я потянулась к нему и осторожно чмокнула Мэтта в губы, стукнувшись курносым кончиком носа о его длинный и тонкий. Тут же отпрянула, испугавшись собственного порыва, и хихикнула с изумлением таращась. Он смотрел на меня в ответ, распахнув глаза и слегка приоткрыв рот, а потом его губы расплылись в глупой, счастливой улыбке.

— Знаешь... Я... Там есть гравировка, — он внезапно указал на крышку часов, — Это загадка: «Чем ворон похож на письменный стол?».

С минуту мы молчали. Я нахмурилась и постаралась припомнить всё, что знала о столах и вёронах, но в голову как на зло ничего не приходило.

— И чем же? — наконец сдалась я.

Мэтт хотел что-то ответить, но замер, не отрывая взгляда от горизонта за моей спиной. Я обернулась и тоже застыла.

Воздух шел рябью и монотонно зажуужжал как рой диких пчёл. Над полем ползла трещина, как будто кто-то неумело, неаккуратно рвал отрез материи, чтобы открыть дыру, за которой клубилась темнота со дна глубокого колодца.

А потом из тьмы показалась нога. Человеческая чёрная нога. За ней вторая, третья, четвертая с загибающимися ногтями неправильной, крючковатой формы. Они выглядели слишком большими даже для льва. Суставы топорщились как ветки старого болезненного дерева, а кожа переливалась чистейшей темнотой, какая бывает, когда закрываешь глаза.

Мэтт вскочил, споткнулся, но даже не поморщился, устояв на дрожащих ногах. Он кинулся наперерез и заслонил меня, закрыв спиной, раскинув руки. Потянулся к поясу и достал металлические, портняжные ножницы, размером по локоть. Обхватил их так, словно держал меч и наставил оружие на тварь.

Это был не волк, и не кот, и не змея. Оно вообще не похо-

дило на животное. Таких существ рисовала малышка Эдит, когда пыталась изобразить меня и Лори. Глаза у твари отсутствовали, вместо рук — продолговатые отростки, а рот оказался полон острых белых акульих зубов. Оно завращало тем, что по-видимому, являлось головой. Хрип, похожий на лязг металла, оглушал поляну, заставляя травинки пригнуться и мелко затрепетать.

— Мэтт, — я робко попятилась, а он даже с места не сдвинулся, взгляда не оторвал. Чудовище окончательно выбралось из дыры и прошмыгнуло к нам, сминая траву гигантскими ногами.

— Беги, — процедил Мэтт.

Я оторопела. Он в своём уме? Куда бежать? Зачем? Оставить его одного перед этой тварью? Мэтт едва стоял, но не отступал, только переминался с ноги на ногу, обхватив своё единственное оружие так сильно, что костяшки пальцев побелели. Зелёный камзол топорщился на худых плечах, цилиндр свалился и откатился в траву, открыв взмокшие рыжие вихры.

— Беги, Алиса! — настойчивее повторил Мэтт и его голос сорвался на отчаянный крик: — Давай же, беги!

Он оперся о левую ногу и сделал резкий выпад в сторону чудовища. То отпрянуло. Мальчишка пролетел левее, чем следовало, едва-едва задев черную плоть. Тварь лишь сильнее зарычала и, перебирая ногами, направилась ко мне.

Я попятилась, пока спиной не вжалась в узловатый ствол

деревя. Отступать было некуда.

Чудовище раскрыло надо мной пасть, опалая смрадным дыханием, смешанным с ароматом роз, которым был обыкновенно пропитан Мэтт.

Мир замер. Не шелестела трава. Ветер не перебирал кроху вяза. Моё дыхание оборвалось. Всё, что я чувствовала в это мгновение — стук собственного сердца и медленное тиканье часов ему в такт.

И тут рыжим всполохом передо мной показался затылок Мэтта. В воздухе сверкнуло серебро ножниц. Лезвия вошли в черную плоть с хлюпающим звуком.

Тварь дернулась, открыла пасть, высовывая язык, который оказался человеческой рукой. Она схватила Мэтта за ногу, проволокла по земле, стараясь отцепить и отшвырнуть. Мэтт на секунду выдернул ножницы из плоти, но снова обхватил лезвиями держащее его чудовищное запястье, давя на ручки изо всех сил. С щелчком ножниц конечность отвалилась, а парень упал и перекатился по мятой траве.

Наши взгляды с Мэттом на мгновение пересеклись. Одним движением он вскочил на ноги, бросился на существо, взмахнул рукой и впился в черное бесформенное пузо. Ножницы пронзили пространство и вошли в тёмную плоть по самую рукоять. Чудовище зашипело, но обхватило оставшиеся ногами мальчишку, стараясь переломить хрупкое тело. Мэтт протаранил вместе с тушей твари поляну, оставляя смятую полосу травы на земле. Последнее, что я видела, бы-

ло его бледное, но решительное лицо. Он оглянулся на меня и что-то прошептал одними губами, как будто прощался, а затем рухнул вместе с существом в дыру, из которой оно выбралось.

Трещина схлопнулась, как мыльный пузырь, и в наступившей тишине моё дыхание стало единственным звуком, разносящимся на мили окрест.

— Мэтт... — робко позвала я, делая неуверенный шаг вперёд.

Жужжание одинокой пчелы заставило меня вздрогнуть.

— Мэтт! — я бросилась к тому месту, где заканчивался черный след, исчезла трещина, чудовище и мой друг. Обшарила воздух руками, надеясь нащупать хоть что-то: шероховатость, складку, малейший след того разрыва. Ничего. Даже воздух, как назло, пах клевером, а не розами.

Мир поплыл перед глазами от подступающих слёз, а изо рта вырвался обессиленный, дикий вой. Я рухнула на колени, захлёбываясь рыданиями, не зная кого звать, что делать, чтобы Мэтт вернулся. Просидела так, может быть, с мину-ту, а, может, с час. Время потеряло смысл, сломалось, как стрелка, застывшая на одном числе.

Гул окружающего мира вернулся не сразу. Постепенно неразборчивый шум превратился в отчетливые голоса. Мама возникла словно из неоткуда, обняла меня, прижала к груди. Только тогда я поняла, что кричу до хрипоты, срывая голос.

— Алиса! Алиса, девочка моя, что стряслось?

Мама погладила меня по спине, а затем обхватила лицо ладонями и заставила посмотреть на неё. За её спиной маячила бледная, испуганная Лори. Она явно не знала, что делать: бежать домой за отцом или за нюхательной солью.

— Мэтт! — выдохнула я, вцепившись в мамины рукава. — Его нет! Его больше нет! Оно его утащило! Чудовище его утащило! Оно его разорвёт!

— Какой Мэтт? Какое чудовище? — Мама огляделась, словно не замечая примятой травы на поляне. — Здесь никого нет, родная.

— Мальчик! Мой друг! И он был здесь! — я дёрнулась, указывая на то место, где схлопнулась трещина. — Он спас меня от чудовища! Воткнул в него ножницы, но... но...

Я подняла руку — и осознала, что браслет всё ещё болтается на моём запястье. Настоящее доказательство того, что Мэтт существовал, что он совсем недавно стоял рядом, улыбался, дарил мне часы и загадывал дурацкую загадку про ворона и письменный стол.

— Смотри! — я сунула руку маме под нос. — Он подарил мне часы! Он настоящий!

Она осторожно взяла мои пальцы, всмотрелась в браслет, слегка хмурясь. Лори приблизилась, заглядывая через плечо.

— Ой, мам, твои часы нашлись! — поразились сестра. Она преувеличенно распахнула глаза и посмотрела на меня с молчаливой просьбой поскорее прекратить истерику.

Мама помедлила. Провела пальцем по циферблату, где стрелки упрямо остановились на цифре шесть. В её взгляде промелькнуло замешательство, но оно быстро сменилось удивлением, таким же фальшивым, как и у Лори. Такие уж они, взрослые, в минуту, когда жизнь играет не по их правилам и там, оказывается, есть мальчишки-феи, упавшие с неба, и часы с единственной стрелкой.

— Точно! Это мои часы! Подарок двоюродной тётки на свадьбу. Где ты их нашла, родная? — Она накрыла браслет ладонью, погладив меня по руке. — Я уж думала, что навсегда потеряла их.

Я не слушала дальше. Сжала браслет на запястье — единственное, что осталось от Мэтта.

Дома меня уложили в постель, напоили тёплым молоком с мёдом и оставили в полумраке спальни. Я слышала, как в коридоре мама вполголоса говорила отцу:

—...ничего страшного, просто переутомление. Бедняжка всё ещё переживает из-за Эдит, вот и мерещится всякое.

— Часы, говоришь, нашлись? — переспросил папа. — Странно. Разве мы их не утопили в реке?

— Дети всё время находят то, что мы теряем, — мама вздохнула с облегчением. — Алиса видимо придумала историю, чтобы порадовать меня.

Я крепко-крепко зажмурилась, закрыла уши ладонями. Чему верить? Маме, которая так часто оказывалась права или собственным глазам и ушам? Нельзя же просто так вы-

думать мальчика, тем более такого живого и удивительного, а потом целый год верить в него, играть с ним, читать книжки, слушать диковинные истории и смех.

На следующее утро я открыла шкатулку, чтобы проверить, как поживает первый подарок Мэтта. Но среди колец и браслетов нашла лишь пожухлый полевой цветок, в котором не осталось никакой магии.

Проходили дни, складывались в недели, недели превращались в месяцы, а Мэтт не появлялся. Часы я прятала под подушкой как последнее напоминание. Засыпая, слушала их тихое тиканье и мне казалось, что они говорят со мной знакомым полусшепотом.

Однажды утром я проснулась, но часов не оказалось на прежнем месте.

Мама сказала, что убрала украшение в шкатулку, потому что оно слишком дорогое для детских игр. Я проверяла. Там лежали старые броши, помолвочные кольца, несколько ожерелий для званых ужинов. Часы исчезли. И вместе с ними — последняя ниточка, связывающая меня с мальчиком, упавшим с неба.

Глава 5. Наказание за предательство

Мэтт

Падение оказалось недолгим.

Разжав пальцы, я осознал, что так остервенело впивался в тушу чудовища, пытаюсь пропороть её ножницами, что не заметил, как мы ударились о пол. Удар вышиб воздух из легких, перед глазами замельтешили точки. Брандашмыг подомной растворился бесформенной кляксой. Я сам не мог поверить, что убил его ножницами.

Выдохнув, я медленно поднял взгляд. Королева восседала на высоком чёрном троне. Рядом с ней на маленьком, деревянном, сидел весь скрюченный, съежившийся король, смотрящий на супругу с искренним обожанием. А я лежал, распластавшись перед ними на белом мраморном полу. Повсюду, даже на потолке, цвели алые розы, как будто какой-то безумный художник расплескал красную краску по всему залу.

Я осторожно поднялся, опершись о ножницы, и отвесил поклон её величеству. Рёбра заныли. Левая нога, та, которую существо обхватывало рукой-языком, пока тащило меня, пульсировала растекающейся болью, но двигаться я, кажется, мог.

— Мэттью Хэттер, — королева обнажила зубы в улыбке, проникая взглядом мне под кожу.

— Да, Ваше величество, — я склонил голову, пока спину не прострелила боль. Ситуация требовала особенного уважения.

— Знаешь, в чём твоя вина, наглый мальчишка?

— Да, Ваше величество.

Я знал, но наивно надеялся, что никто не заметит. Наши с Алисой встречи были коротки: пятнадцать минут, раз в неделю, во время перерыва на чай. В последний месяц я зачастил со встречами, но лишь потому, что шляпы мне удавалось мастерить всё легче, а заказов стало меньше.

— Я дала тебе всё, — начала королева издалека, заставив меня преисполниться надеждой. Обычно она сразу выносила приговор провинившимся слугам: «Голову с плеч!» — без суда и следствия.

Вместо этого королева поднялась с трона и шагнула ко мне:

— Я дала тебе материалы, мастерскую, иглу, ножницы. А чем отплатил мне ты?

Я не смел отвести взгляд от её рубиновых туфель с серебряными пряжками.

— Вы сказали, что я могу уходить и возвращаться, когда захочу, — пришлось впиться ногтями в ладонь, чтобы ненароком не сболтнуть лишнего.

— А ты не уходил и не возвращался. Ты сбегал от меня,

мой Болванщик. И на что же ты тратил минуты, которые следовало посвятить огранке твоего мастерства?

— Я проводил время с девочкой. — Мой голос показался мне слишком далёким и неестественным. — Я просто хотел дружить.

— У тебя же есть я, мой Болванщик, — ее тонкие пальцы прошлишь по моим волосам, как холодный металлический гребень. — Ты принадлежишь только мне. Твои руки, время, душа — всё моё.

— А он проводил твоё время с девочкой! — нервно хохотнул король.

— Не проводил. Убивал! Ты убивал моё драгоценное время! А теперь ты убил моего единственного и неповторимого брандашмулечку! Это государственная измена! — королева взвизгнула на последнем слове, заставив меня вздрогнуть. — Ради какой-то девчонки!

Убивал время. Мне захотелось рассмеяться от накатившего ужаса. Здесь все сходили с ума по времени, как будто оно было чем-то материальным. Белый кролик работал с ним, но из-за этого постоянно боялся опоздать, Мартовский заяц считал каждую секундочку, складывал в копилку. А я убивал его. В Англии за убийство настолько ценных персон вешали.

— Твои ноги, — голос королевы снова стал почти ласковым, но оттуда не ушел привычный металл, наоборот, только стал более глубоким и тяжелым. Она стояла так близко, наверняка заметила, как подрагивают мои колени. — Неужели

ты за четыре года так и не понял, что переходы не даются тебе бесплатно? Неужели не осознал, где тебе место?

— Я...

— Но ты мне нравишься, Болванщик, — перебила она меня, не дав даже слова вставить. — Никто до тебя не делал настолько красивых шляп. Ты один умеешь так искусно управляться с незримым. У тебя золотые руки, Мэттью Хэттер, и я бы не хотела лишаться такого дара. А потому, так и быть, предоставляю тебе выбор.

Я поднял глаза, не в силах поверить, что моя голова останется на плечах. В огромных черных глазах под пушистыми ресницами я разглядел напуганного мальчика, съездившего и дрожащего, как осенний лист.

— Ты не ослышался, — подтвердила она с ядовитой улыбкой на губах. — Я позволю тебе остаться здесь. Ты будешь только моим Болванщиком. Целиком. Без остатка. Ты будешь здоров и не состаришься, пока существует моё королевство, а ты шьёшь шляпы. Твои ноги будут служить тебе верой и правдой. Сколько балов нам предстоит принять, сколько кадрилей станцевать. Либо...

Её взгляд скользнул к моим ногам, и те подкосились. Я рухнул на колени перед ней. Обычно мои голени кололи, боль разливалась от пальцев к спине, но я ощущал их тяжесть. Теперь не было ничего. Я попытался пошевелить мыском, но не смог. Ноги лежали оглоблями. Ножницы выпали из ослабевшей руки и откатились к её туфлям. Она на-

ступила на ножницы, и те хрустнули, рассыпались осколками, словно тончайшее стекло.

— И так будет всегда, как только твои ноги коснутся земли по ту сторону, — подтвердила она мои невысказанные мысли. — Ты вернёшься в свой мир и останешься калекой до конца дней. Никакие врачи, никакие лекарства не помогут.

Она наклонилась, взяла меня за подбородок и заставила встать, подняла, как сломанную марионетку. Боль в ногах утихла, и я благодарно выдохнул.

— Выбирай. Вечность в роскоши и без боли здесь или жалкое существование там. Что скажешь, мой Болванщик?

Я сунул руки в карманы камзола.

Пальцы нащупали маленькую холодную стальную иголку. Ножницы позволяли прорезать ткань между мирами, но игла тоже была особенная. Я обхватил её как единственное оставшееся у меня оружие и шумно выдохнул.

Где-то там, в другом мире, меня ждала Алиса. На прощание я обещал вернуться, потому что она стала моим единственным и самым верным другом. Я был уверен, что она меня примет даже такого, даже калеку, неспособного ходить. Она не отвернётся. Только не она.

Королева ждала с предвкушением. В её черных глазах плескалось голодное вожделение. Я стал её маленьким болваном и послушно выполнял заказ за заказом. Здесь каждая роза цвела и пахла так, как ей хотелось. Всё слушалось её, даже король, подобный бледной тени.

— Ваше величество. Вы дали мне иглу и ножницы, мастерскую и запах роз, который я не смогу отстирать до конца жизни. Я ношу здесь фамилию Хаттер по вашему приказу. Вы показали мне лучший мир. Вы правы, что за это я должен быть благодарен.

Она довольно наклонила голову набок, покивала, позволяя мне продолжить.

— Но я вам не болванчик, которого можно дергать за ниточки. Вы дали мне свободу, но не объяснили, что она подчинена правилам. Вы думаете, что вас все любят, но вас боится даже король.

Я указал на монарха пальцем, прежде, чем успел взвесить последствия красивого жеста и слов. В безмолвии тронного зала моё обвинение разнеслось оглушительным криком. Король вздрогнул. Где-то в дальнем конце зала звякнул металл — стража переглянулась.

— Я ухожу не потому, что не люблю вас или ваш мир, — я сжал иглу пальцами, напряг пока ещё здоровые ноги, готовясь бежать. — А потому, что я единственный друг Алисы. Вы можете отнять у меня ноги, но вам никогда не разрушить чувств между нами.

Лицо королевы исказилось, но я не стал дожидаться, пока она отдаст приказ.

Я стиснул зубы, повернулся и рванул прочь.

Моя смелость обернулась против меня самого. Проклятие начало действовать — я понял это по тому, как каждый шаг

стал отдаваться болю. Пальцы немели, а голени, наоборот, жгло огнём, когда я перебирал ногами, но не смел останавливаться.

— Схватите его! Он украл мою иглу! — визжала королева за моей спиной. — Голову ему с плеч!

Топот карточных солдат с алебардами наперевес грохотал по мрамору. Плутая по коридорам мимо дверей с резными ручками и стрельчатых арок-витражей, я не знал, куда бежать и получится ли задуманное. Только бы подальше, пока меня несли ноги.

Сжимая иглу между большим и указательным пальцами, я ткнул ею в пространство, как шилом и подцепил невидимые нити, из которых сплеталась Страна Чудес.

Я давно заметил во дворце трещины. Их оставлял Брандашмыг в воздухе, когда Королева выгуливала его, как любимую левретку. Иногда я наблюдал, как придворные зашивают прорехи. Из этих едва переливающихся на свету воздушных нитей были вышиты узоры на платьях Королевы, а возможно, даже сам Чеширский Кот, способный исчезать в одном месте и тут же появляться где-то ещё.

Воздух треснул и пошел рябью. Из маленькой дырочки в пространстве передо мной потянуло запахом другого мира. Сыростью, старым деревом, мылом. Я сделал ещё один резкий взмах. Дырка стала больше. Мне открывался приют, мой родной, убогий, ничтожный кусочек мира, где мальчишек били линейкой по рукам, а мои ноги непременно станут

поводом для насмешек и издёвок.

Я обернулся. Солдаты показались в глубине коридора. Счёт шёл на секунды. А над ними звенел, догоняя и опережая меня, визжащий голос Королевы.

— Стой! Она забудет тебя, Мэттью Хэттер! Неужели какая-то девчонка тебе дороже собственного благополучия?

Вместо ответа я шагнул в трещину.

Переход получился не таким, как обычно. Раньше я приходил в себя, словно после долгого сна, только ноги каждый раз болели. Сейчас короткий миг между Страной Чудес и приютом показался мне адом.

Я стремительно падал. Тело разрывало на части, а игла накалилась в руке и обжгла пальцы, заставив разжать хватку. Поток воздуха бил в лицо, теребил волосы, заставлял морщиться. Не знаю, сколько это длилось, как будто целую вечность...

Удар о пол вышел неожиданно жесткий, таким, что после него голова слегка кружилась, а затылок побаливал.

Я лежал в чулане под лестницей, откуда и сбегал по обыкновению в Страну Чудес. Как и всегда здесь стояла идеальная тишина, которая сейчас лишь обострила мои ощущения.

Меня тошнило, как будто я воды наглотался, а в районе груди разливалась всепоглощающая боль. Я не помнил, куда делась игла, когда я выронил её при падении. Мог ли я её случайно проглотить, потому что теперь она как будто ободрала горло и впилась в грудь изнутри?

Приподнявшись, первым делом я глянул на руки, пошевелил пальцами и с облегчением понял, что моя верхняя половина цела. В отличие от ног.

Они лежали, как две растопыренные деревянные палки, случайно прикрепленные к моему телу. Я попробовал пошевелить пальцами — ничего. Напрячь голень — ничего. Я ущипнул себя за бедро, сильно, до покраснения, но не почувствовал даже слабого покалывания.

Только тогда мне по-настоящему стало страшно от того, что произошло. Королева в ярости. Она рано или поздно доберётся до меня... А если не до меня? Если она сумеет как-то проникнуть к Алисе и навредит ей?

Я порывисто вздохнул, борясь с накатившим ужасом, и запустил пальцы в волосы, невольно метнувшись взглядом к книге, лежащей в нескольких шагах от меня.

Нужно подцепить её и спрятать, пока не стало слишком поздно.

В коридоре слышались шаги воспитателя, который совершал вечерний обход, созывая к ужину. Я едва дотянулся до книги, когда меня заметили.

— Эй, Хэдлесс, ты чего здесь на полу валяешься? — старший воспитатель, худощавый лысый мужчина с лицом, похожим на череп, строго посмотрел на меня сверху вниз.

— Читаю, — съязвил я. — Не видно что ли?

Он сделал шаг ко мне в узкую комнатку. Его цепкий взгляд скользнул от меня к книге, которую я всё ещё сжимал

в руке. Я прижал её к груди сильнее, но разве равны силы щуплого одиннадцатилетки и взрослого воспитателя, который привык разнимать детей в драке?

Мужчина выхватил книгу из моих пальцев так легко и непринужденно, что я закусил губу от досады.

— Где ты такое достал? — изумлённо спросил он. Тон его голоса был недобрый, сулившим ворох неприятностей и непереносимое наказание. — Украл?

— Нет! — Я замотал головой и постарался принять сидячее положение. Ноги беспомощно скользнули по полу. Воспитатель на секунду заметил мою неуклюжесть, но даже не подумал помочь встать, увлечённый пролистыванием страниц.

— Отдайте! Мне её подарили, — добавил я, сцепив зубы.

— Подарили? — изо рта воспитателя вылетел звук, отдаленно похожий на смех. — И кто же тебе, сыну пропойцы и попрошайки, мог подарить такое?

Я не знал, что ответить, но не мог оторвать взгляда от ярко-красной обложки. Это был цвет её роз, платьев, волос — цвет Красной королевы. Она, это всё она подстроила, чтобы заманить меня к себе, вот почему она так радовалась и изумлялась при нашей первой встрече.

— Благодарю Господа, что оказался здесь, а не пошел по стопам твоих родителей. Таким, как ты, книги не дарят.

Спорить было бессмысленно, злиться — тоже. Иногда меня спасало молчание, но сегодня всё шло наперекосяк. Муж-

чина захлопнул книжку и сунул её под мышку.

— Не знаю, у кого и как ты её украл или выменял, но книгу я конфискую.

Он одним движением поднял меня за шкурку, как щенка, и встряхнул. Раньше я бы устоял на ногах, а сейчас висел в его цепкой хватке, как мешок, ощущая беспомощность и досаду. Опустил и толкнул в сторону шкафов.

— Не притворяйся, что тебе больно или обидно. Жалости в этих стенах ты всё равно не получишь.

Он хмыкнул, развернулся и вышел. Дверь противно скрипнула за ним, как крышка закрывающегося гроба.

У меня ничего не осталось. Книгу отобрали, а от предположения, что кто-то ещё повторит мою судьбу, становилось жутко. Лучше всего было бы сжечь её или закопать, но я не успел сделать даже этого.

Иглу я так и не смог найти, сколько бы ни среди вёдер и метел, не осматривал полки, до которых был в силах дотянуться. Зато внутри всё переворачивалось, а перед глазами мелькали странные мушки, как дырочки в лоскуте для вышивки.

Алиса осталась далеко, за многие мили от Лондона. Я даже не знал, в каком направлении располагался этот таинственный Оксфордшир. Возможно, я никогда ее больше не увижу.

Возможно, Королева права. Только мне очень не хотелось верить её словам, иначе всё: ноги, игла, заточение в приюте

— было напрасно. Мысли об Алисе грели душу. Я ее маленький болван, Шляпник, и я не собирался сдаваться. Однажды мы непременно встретимся, даже если мне для этого потребуются годы.

Глава 6. Учёба и предназначение

Алиса

К тому моменту, как мне исполнилось одиннадцать, ночные кошмары прошли. Я почти убедила себя, что мама оказалась права. Маленькая девочка с разыгравшимся воображением выдумала себе друга, а потом поверила в собственную небылицу.

Помогли и папины книги. В них всё было просто и понятно: тело состоит из костей, мышц и органов, пульс и частоту дыхания можно измерить. Папа показывал, как это сделать, а я повторяла за ним. Ничего сложного. Гораздо труднее оказалось выкинуть из головы детскую выдумку и перестать втайне надеяться, что однажды я услышу характерный щелчок ножниц в воздухе, и рядом со мной прозвучит знакомый голос рыжего мальчишки, который защитил меня и погиб сам от лап чудовища.

К тринадцати годам я уже воспринимала розы как самые обычные дикорастущие, требующие особого ухода и подкормки цветы. Своенравные, прихотливые, они больше не вызывали щемящего чувства в груди.

В год, когда мне исполнилось шестнадцать, сестра удачно вышла замуж. Её муж, лондонский банкир, предложил нам переехать к нему в столичный особняк, но родители не захотели покидать дом, а я осталась и взялась за штудирование

учебников. Мама качала головой, когда я заявляла во всеуслышание, что хочу стать медицинской сестрой и поступать в школу, которую всего пятнадцать лет назад основала Флоренс Найтингейл при больнице Святого Фомы:

— Алиса, посмотри, как твоя сестра счастлива, — вздыхала она, наблюдая за тем, как я пыталась помимо французского разучить ещё и термины из папиного справочника на латыни. — Почему же ты вечно прячешься за учебниками?

— У нас Шарлотта красавица, — я отмахивалась от маминых упрёков, как от назойливых мошек, на которых наша старая кошка Дина уже почти не обращала внимания. — А я умница. Ты мне всегда об этом говорила.

Мама в ответ неодобрительно поджимала губы, словно жалела о ранее оброненных словах. Она не приняла мой необычный порыв, который в детстве принимала за подражание отцу, игру в доктора, но и не возражала прямо. Среди знакомых, как и подобает леди, мама преподносила моё стремление как благородный подвиг, называя меня юной Флоренс, намекая на то, что я тоже готова броситься на защиту всех обездоленных и раненых.

К двадцати годам я могла рассказать о человеческом теле больше, чем любая из моих подружек. Папа шутил, что мне пора сдавать экзамен в Оксфорде на врача, но мы оба знали, что приёмная комиссия не сможет закрыть глаза на мой пол, даже если я покажу блестящие результаты.

Зато Найтингейлская школа и шумный, но прекрасный

Лондон встретили меня с распростёртыми, удушающими объятиями. Я полагала, что уже знаю достаточно, выучила всё из учебников и книг, но теория сильно отличалась от практики.

Мы вставали засветло и отрабатывали перевязки, мыли полы, кипятили бельё и учились ухаживать за ранеными, а по вечерам вели отчёты. Снов после такого не было совсем: сплошная темнота без ярких картинок. Старшая медицинская сестра не давала нам продыху, однако именно на практике я заметила ещё одну странность.

Приближалась зима, когда нас допустили до ночных дежурств. Мне нравилась тишина, нарушаемая только негромким поскрипыванием кроватей пациентов и тиканием часов. Что-то в последнем было успокаивающее, подбадривающее, словно дрожащие стрелки шептали: «Держись, держись». Именно в ночное дежурство больше всего требовалась личная помощь, ловкие руки и быстрая реакция.

Порой время словно растягивалось. Секунды превращались в минуты, когда я спешила сменить компресс больному лихорадкой или замечала краем глаза, как напрягаются мышцы, прежде чем лицо пациента исказится судорогой подступающей рвоты.

Врачи замечали мой талант, говорили, что у меня быстрые пальцы и грация кошки. А я улыбалась в ответ и не знала, как объяснить, что звуки, запахи и движения делались в эти мгновения густыми, медленными, как вязкое варенье из

лепестков роз, вкус которого я всякий раз ощущала на губах. Я почти не помнила, когда я ела сладкое в последний раз — сахар портил зубы и оставлял приторный вкус во рту. Я успевала помочь больному, а потом сама валилась с ног с дикой мигренью.

— Да ты настоящая фея, — подтрунивали надо мной сокурсницы, заставляя заливаться краской. Комплимент звучал хуже издевки, отзываясь внутри ноющим чувством, которое я списывала на стыд и волнение.

Через год такой плодотворной учёбы, в ноябре, я с трепетом в сердце сдавала экзамены. Письменная часть далась мне легко, а на практике я замешкалась, когда меня подвели к рыжему мужчине, лежащему лицом к стене.

На секунду, при виде необычного цвета волос, в голове проскочила мысль: «Это он!», щеки вспыхнули жаром, а сердце замерло в предвкушении. Мне даже показалось, что в воздухе запахло розами.

Но мужчина повернулся, смерил застывшую меня оценивающе-сальным взглядом и задорно подмигнул. Он принял мою неловкость за заигрывание и сально пошутил в ответ, ещё больше смутив ужасным английским произношением с шотландским диалектом. Растерявшись на мгновение, я кашлянула, но поспешно собралась, заставила себя сосредоточиться и нащупала пульс на его запястье.

Кого я надеялась увидеть? Почему что-то внутри перевернулось от одного только цвета волос?

Времени на размышления у меня не оставалось.

Пальцы привычно отмерили частоту, наполнение, ритм. Дыхание у него оказалось ровное, чистое. Зрачки реагировали на свет. Никакой лихорадки, никакой слабости. Передо мной лежал здоровый мужчина, и моё секундное замешательство не имело к медицине никакого отношения.

— Неплохо, мисс Лидделл.

После нескольких каверзных вопросов старшая медсестра оказалась мною довольна и уверенно проставила все необходимые пометки в экзаменационном журнале.

— Можете быть свободны. Вы заслужили.

В её словах чувствовалась гордость, и, хотя объявления результатов требовалось ещё подождать с неделю или две, я в тот же вечер написала и отправила письмо домой. Хотелось порадовать родных, поделиться волнениями и попросить совета, потому как я совершенно не знала, что делать и куда можно устроиться работать дальше.

Предложение о работе пришло вместе с объявлением результатов экзаменов. Письмо было написано твердым, крупным мужским почерком и даже скреплено официальной печатью с гербом с изображением не то льва, не то единорога. Фамилия отправителя не вызвала никаких ассоциаций, среди знакомых отца таковых не значилось, но внизу стояла приписка «Рекомендованы старшей сестрой Найтингейлской школы как одна из лучших выпускниц».

«Уважаемая мисс Лидделл, — говорилось в письме, — мы

наслышаны о ваших успехах в учёбе. Нас особенно заинтересовал ваш опыт ночных дежурств и отмеченная старшей сестрой «исключительная реакция в чрезвычайных ситуациях». Пациенты Святого Креста требуют особого подхода...»

Жалование обещали вдвое больше обычного, даже писали про трёхразовое питание и проживание в течение года или дольше, если я захочу продлить договор о найме. В нём же предупреждали, частная лечебница расположена на туманном острове вдали от цивилизации, но я руководствовалась принципом, что признание и помощь ближнему в таких местах ещё важнее, чем в больших городах материка.

Письмо всколыхнуло во мне странное чувство азарта и затмило всё остальное: предложения по работе в Лондоне и в Бирмингеме, хотя клиники там пользовались уважением среди старших сестёр. Два приличных заведения, с тщательным конкурсным отбором, новейшим оборудованием и квалифицированными врачами оказались готовы принять меня на работу. В противовес загадочной частной лечебнице Святого Креста, расположенному вдали от цивилизации и высшего света. Вряд ли там меня ждали хоть какие-то карьерные перспективы и удачные знакомства. Когда я попросила совета у подружек по Найтингейлу, те хором ответили, что поехать туда — безумие, похороны блестящей карьеры медсестры. Но сколько бы я ни старалась, у меня так и не вышло внятно объяснить себе, откуда взялась въедливое желание отправиться на далекий остров. Меня тянуло туда, как свет-

лячка на свет, а все трудности и опасности казались незначительными мелочами.

Меня не отговорили ни слёзы мамы, ни расспросы и домыслы сестры, которая приехала на праздники домой, в Оксфордшир.

Папа отнёсся иначе.

Мы сидели в гостиной, я составляла список вещей для отъезда. Папа, как всегда, был немногословен и, пожалуй, лучше всех понимал меня. Он взял мою руку в свои мягкие и теплые ладони и скупно сказал:

— Выбирай сердцем, а голова приложится. Ты всегда была моей особенной девочкой, и сама прекрасно знала, как лучше.

На прощание мы все вместе собирали чемоданы, а сестрёнка вручила воздушную белую пуховую шаль.

— Только береги себя и не забывай писать, — всхлипывая, причитала Лори, а я гладила её по голове и напоминала, что ей нельзя волноваться. Она носила малыша под сердцем, а срок подходил уже к шестому месяцу, когда всякое лишнее волнение следовало исключать.

До портового городка я добиралась поездом, затем пересела на дилижанс, а потом на попутную телегу. Я не испугалась тумана, улыбнулась и вежливо поздоровалась со старым лодочником, который с кряхтением переправлял меня с одного берега на другой. Чем ближе мы подплывали к острову, тем гуще становился зловещий туман. Особняк из ры-

жего кирпича едва угадывался в нём рассеянным светом из окон. Всего три этажа: первый слепил сквозь предрассветную мглу, на втором света уже было поменьше, а третий этаж едва угадывался по единственному теплему пятнышку окна.

Я преисполнилась надеждой, предвкушая новый этап в жизни, не веря, что это сбывается, что скоро моя нога ступит на твердую землю. Год работы здесь обещал принести то, о чём я мечтала всю свою жизнь: возможность помочь тем, кому это действительно важно, подарить им немного добра и надежды.

Глава 7. Заточение и прорехи

Мэтт

Каждое утро я просыпался сам, без будильника, на полчасика раньше обхода санитаров. Часов в моей палате нет, зато я научился считать размеренные, отчётливые шаги горничной по этажу.

Они звучат как метроном и сливаются со стуком моего сердца. Девушка приходит в одно и то же время и елозит половой щеткой туда-сюда, пока запах мыла не пропитает коридор и не просочится ко мне в палату сквозь тонкую щелочку под дверью.

Первым делом я скольжу взглядом по стенам, по потолку, спускаюсь к полу, стараясь отыскать новые прорехи. Не хочется, чтобы что-то вылезло оттуда, пока я спал.

Девять лет назад, ещё в то время, когда меня содержали на втором этаже, среди лунатиков и истериков, ткань пространства разорвалась слишком внезапно.

Тогда я не заметил той дыры — вернее, я не обнаружил её первым.

Мой сосед, тревожный бывший военный, время от времени утверждал, что слышит голоса. Я просил санитаров и главного врача перевести беднягу или хотя бы меня в другое место, потому что я словно притягивал странные разрывы в пространстве. Они возникали сами собой там, где я прохо-

дил. Мне не поверили и сомневались вплоть до того момента, который сейчас описан в моем личном деле как «инцидент», или «странный случай», или с иным схожим заголовком.

Сосед частенько бормотал что-то перед отбоем. Я так привык к его внезапным монологам и истерикам, что не обратил внимание на страх в его голосе. В приюте тоже были мальчишки с бурным воображением, а потому монотонное бормотание соседа звучало для меня как колыбельная и напоминала о детстве.

В ту ночь меня разбудил леденящий животный вопль.

Он оглушил, заставил подскочить на кровати. И тут же потух, как пламя задутной свечи.

При лунном свете из зарешеченного окна, я разглядел, как мой сосед стоял на коленях, вцепившись пальцами в собственное лицо, а над ним нависала расплывчатая, скрюченная фигура. Она возвышалась под самый потолок и клубилась сизым дымом как шерсть у Чеширского кота.

Коллинз кричал, а тварь высасывала его звуки. Я видел, как слова срывались с губ, застревали в воздухе, не долетая до моих ушей, и втягивались в темную массу.

— М... М... М... — сосед изо всех сил тянул ко мне дрожащую руку.

Я попытался ухватить его запястье, но никак не мог дотянуться до другого конца палаты. Слишком далеко. Пальцы мужчины так и скользили в воздухе, а мои ноги не слуша-

лись. Мне было четырнадцать, и мужик весил вдвое, а то и втрое больше худощавого пацана. У меня даже карандаша под рукой не оказалось, чтобы я мог использовать его как подобие иглы. Всё, что мне оставалось, — смотреть как мой сосед застывает в дерганной, неестественной позе, с протянутой ко мне рукой в попытке найти хоть какую-то опору и мелко-мелко бьётся в болезненных, частых судорогах. На мой крик прибежали санитары, но наевшаяся тварь успела к тому времени скрыться.

Утром я догадался отломить щепку от ножки кровати и залатать прореху. Получилось неумело, неровно, но так, чтобы ни одна тварь не пролезла. Моего соседа, всё ещё в состоянии помутнённого рассудка перевели в другое крыло, а меня сослали сюда.

Здесь я жил один. Меня не навещали, не пускали к другим пациентам — только приходили врач по вечерам и обслуживали сиделки в остальное время. Мне запрещали покидать комнату, видимо, верили, что так будет безопаснее.

После того инцидента моей маленькой победой стало то, что я всё-таки смог выпросить у персонала несложную вышивку с большой тупой иглой, больше похожей на толстую спицу для вязания. Такой, что даже палец не уколешь при всём желании, но в моей борьбе с прорехами любой схожий инструмент становился настоящим оружием.

С тех пор прошло много лет. Семь? Восемь? Десять? Я давно уже не считал дни. Зачем, если каждый следующий

похож на предыдущий и вся разница лишь в количестве про-
рех по утрам вокруг меня?

Горничная задержалась на добрые две минуты, а потом в коридоре послышались грубые мужские голоса и тяжелые шаги. Я прислушался и отчётливо уловил:

— Она же сегодня приезжает, эта новенькая сиделочка? Как думаешь, хорошенькая? — доктор Мердок был, как всегда, в своём репертуаре. Наверное, ещё в студенческие годы его чаще видели в обществе женщин в публичных домах, а не среди книг в библиотеке. Лично до меня то и дело доходили слухи о том, что Мердок даже в стенах лечебницы уделяет слишком пристальное внимание персоналу женского пола.

— Из Лондона? Как её там? Алиса Лидделл? — усмехнулся его собеседник, уходя с ночной смены и гремя ключами. — Вроде бы её мисс Мастер пошла к причалу встречать.

Моё сердце замерло. Алиса Лидделл. Я отчетливо помнил фамилию девочки, которая стала за год смыслом всей моей дальнейшей жизни. Нет, я помнил каждую черту.

Выбившуюся из причёски прядь, то, как она улыбалась глазами, её звонкий смех и тихое дыхание. Я помнил все наши разговоры и разделенные секреты, каждое мгновение, особенно тот прощальный взгляд, полный страха.

Я жил ею, верил, что Королева ошибается и однажды я смогу ходить, а эта чёртова лечебница сгорит ко всем чертям. Тогда я буду свободен и найду способ встретиться с моей Алисой. Но чтобы она приехала сюда, в эту забытую Бо-

гом преисподню — такого быть не могло. Проще поверить, что моя Алиса вышла замуж и счастлива, непременно счастлива с мужем и десятком детей.

Вот только мысли об этом царапали душу.

Игла под сердцем тонко, протяжно задрожала, как струна, которую дёрнули впервые за годы тишины.

А вдруг она не забыла? Вдруг она приехала за мной не просто так, не по распределению? Её достаточно состоятельная семья никогда бы не отпустила молодую девушку так далеко от дома. Вдруг она приехала за мной, потому что помнила, искала и нашла?

Я постарался успокоить дыхание, унять сердце, которое гулко колотилось в груди. Запустил руку в волосы и только сейчас осознал, что, наверное, выгляжу не лучшим образом. Бледный, худой, а под глазами залегли тени от бессонных и тревожных ночей. Я редко видел своё лицо, только по вечерам при свете лампы, когда оно смутно отражалось от оконного стекла. Вряд ли его можно было назвать красивым. Нос длинный и худой, как игла, губы невероятно тонкие и искусанные, а щетина у меня всегда росла до уровня мелкой поросли, а потом упорно отказывалась превращаться в бороду.

Дверь в мою комнату распахнулась, заставив встрепенуться и поднять голову.

Не Алиса.

На пороге моей тюремной камеры, которую здесь почему-то называли палатой, стоял верзила Боб. Я звал его Моло-

том, потому что он был такой же мощный, сильный и тупой. Его вызывали, когда требовалась усмирить буйного, скрутить его по рукам и ногам, затолкать кашу в рот, если отказывается есть. Он же, в силу недалёкого ума, охотно был моим сиделкой, когда других добровольцев не оказывалось.

— Танцуй, Хэдлесс! — объявил он и загоготал. У него все шутки для меня были на одну тему: «Почапали-почапали!», «Бегом марш!», «Чё, ноги протянул?», и, вот, новенькое: «Танцуй!». Интересно, как долго он сочинял этот калямбур?

Я промолчал. Ради таких, как он, я не собирался шутить в ответ. Это с его братком-дружком или с доктором Хэйзом можно перекинуться словами, но ум Молота слишком примитивен, чтобы оценить анекдоты про устриц и кадрили.

Но сегодня Боб был в приподнятом настроении.

— Эт самое, шевелись, — он ловко подхватил моё кресло и покатил меня в умывальную. — После обеда у тебя будет новая жертва, то есть сиделка. Хорошенькая. Если ты не спугнешь, как обычно, тебе может чего и перепадёт наконец-то, а? Как думаешь?

Я закатил глаза, слушая его бубнёж. Вероятно, Алиса была и в самом деле прехорошенькая, раз даже у Молота появилось настроение почесать языком.

На третьем этаже была расположена отдельная ванная комната с котельной. Поговаривали, что когда-то это здание принадлежало богатому графу или лорду, и местная знать

так любила мыться, что провела канализацию по всему особняку. По дороге нам как назло попался чёртов Мердок и они снова заговорили об Алисе. Моей Алисе. Как будто других тем не нашлось.

— Я бы сам приударил за ней, — Мердок обворожительно улыбнулся и подмигнул мне, обнажив белые зубы, которые под черными завитыми усами смотрелись ослепительно. Он как будто и не принадлежал этому миру палат, помоев и человеческих страданий. — Только какой смысл, если она сбежит?

Мердок нагнулся ко мне и усмехнулся, когда я сцепил зубы в ответ.

— Ты же не устоишь и опять будешь пугать очередную девушку дыркой в стене, Хэдлесс?

— Тебе лишь бы дырки пообсуждать, — процедил я так, чтобы только он слышал. Мердок не понял каламбура или сделал вид, что не понял. Он похлопал Боба по плечу и удалился по своим делам.

— Пошли дальше, — попросил я у Хаммера, и мы направились в душевую.

Душевая была каменная, холодная, а воду Боб время от времени забывал нагреть. Я много раз жаловался. Он гундел, извинялся и твердил, что совсем позабыл, но почему-то мне не верилось в искренность его слов.

— Будешь красавчиком как, мать его, серебряный шиллинг. Жаль только, что ты такой злока, — приговаривал он,

подставляя мою голову под ледяную струю воды из деревянного ковша.

Я молчал. Холод возвращал меня в реальность, в тело, которое, пусть и от пояса вниз было чужим, всё ещё принадлежало мне.

Пока жесткая губка елозила по моим плечам и спине, я прокручивал в голове то, что скажу ей.

«Привет, Алиса, помнишь, как я свалился с дерева к твоим ногам?» — звучало слишком прямо и очень в духе Мердока.

«Привет. Алиса, это я, тот самый Мэтт, который подарил тебе часы в нашу последнюю встречу. С того времени я думал о тебе каждую минуту», — тоже не годилось: слишком лирично, как будто я какой-то рыцарь в сияющих доспехах.

Напомнить ей про яблоко или пересказать одну из тех историй, которые мы читали вместе? Задать нашу загадку?

Я очнулся от раздумий, когда лезвие опасной бритвы холодом коснулось моей щеки.

— Не надо, пожалуйста, — прошептал я, боясь, что Боб при всей его массе неуклюжего тела ненароком полоснёт не по щеке, а по горлу. С него станется.

— Тебе же хуже, — хмыкнул увесистый санитар с пальцами-сосисками в которых бритва выглядела крохотной. — У меня батя мясником был, так он хрюшек брил на загляденье. Но не хочешь — как хочешь.

Я не стал отвечать, что для меня их обращение подоб-

но пытке. Они и так это прекрасно знали. Новый поток холодной воды залил мою голову и лицо, стекая противными струйками, заставив зубы выстукивать друг о друга.

Я оказался здесь, потому что мне дали надежду, но не выполнили обещание, превратив существование в не меньшую пытку, чем была в приюте. Одиночество снова было со мной, пряталось в каждой щели этого проклятого места.

Но теперь, с приездом Алисы, все должно измениться. Нужно только подождать ещё немного.

Глава 8. Взгляд из-под очков

Алиса

В просторном кабинете, обитом тёмно-зелёными шёлковыми обоями, за заваленным бумагами дубовым столом восседал человек. По виду ему минул третий десяток и приближался четвёртый, но седина слабо тронула виски, подобно первой изморози на траве поздней осенью. Он вальяжно расположился в дорогом кожаном кресле, подперев подбородок рукой.

— Мисс Лидделл, — произнёс он, растягивая каждый слог и скользя взглядом из-под очков, посматривая то на меня, то на раскрытую перед ним тонкую папку. Перелистнул страницу, провёл пальцем по строчкам. — Выпускница Найтингейлской медсестринской школы. Ещё и с отличием. Рекомендована как... — он поднял взгляд, но снова опустил его к бумагам, — исключительно собранная и быстрая в реакциях. Вы готовы на практике подтвердить данную вам главной медсестрой характеристику?

Я стояла перед ним, стараясь выглядеть достойно, несмотря на долгую дорогу и тяжёлый багаж.

— Да, доктор Хэйз. Простите, да, сэр.

Я удостоилась короткого кивка в сторону табурета, стоящего перед широким столом.

— Для начала прошу, присядьте.

Порывисто вздохнув, я осторожно села, расправила плечи и постаралась держать спину прямо, как положено хорошей сиделке. Это моя первая работа, настоящая, достойная знаний, которые в меня вложил год суматошной практики и понукания главной медсестры.

— Хорошо добрались? — доктор едва заметно улыбнулся уголком губ и наклонился чуть вперёд, не переставая медленно рассматривать меня, как букашку под микроскопом.

Только тогда я заметила, насколько же он высок. От волнения в голове появилась дурацкая мысль, что с таким ростом крайне неудобно ходить по больнице и не биться головой о дверные перекладины.

— Неплохо, — я постаралась выкинуть лишние мысли и разгладила складки на дорожном пальто.

Отдалённый туманный остров посреди Ирландского моря с самого начала выглядел неприветливо и заброшенно. Санитара, который должен был меня встречать на причале, не оказалось. Пришлось самой добрых полчаса искать дорогу, пробираясь сквозь чащу, но я справилась и, честно говоря, очень гордилась собой.

— У нас красиво, не правда ли? — продолжил медленный расспрос доктор.

— Безусловно. — Я закивала. — Совсем не похоже на иные лечебницы. Только на острове туман густоват. У нас в Оксфорде такое редко увидишь, даже лондонские туманы не сравнятся с вашим.

— У нас туман всегда... — доктор Хэйз склонил голову набок, сделал странную, неуместную паузу и закончил на выдохе: — ...густой по утрам. Некоторые наши пациенты видят там силуэты, призраков, демонов. А вы?

Я не нашлась с ответом на столь странный вопрос и решила ответить настолько вежливо, насколько только могла:

— Я прибыла сюда как медсестра и сиделка, а не пациент. Доктор одобрительно усмехнулся.

— Здравомыслящий ответ. — Он покачал головой и помассировал глаза, как будто боролся со сном. — Что ж, давайте поговорим о пациентах. Полагаю, старшая медсестра ещё при встрече объяснила вам общие правила нашего заведения, но я вынужден внести коррективы. Вы будете приставлены к одному единственному пациенту с третьего этажа.

Бодрая старшая медсестра, которая встретила меня у ворот особняка, так мчалась и тараторила, старалась ввести в курс дела, что я едва поспевала за ней. Но общие положения мне удалось усвоить: первый этаж в лечебнице занимала администрация, второй — пациенты, а на третьем здесь пока разместили одного единственного человека, работа с которым представляла собой своего рода испытание для крепких нервов и железной выдержки.

Мою спину прошиб холодный пот, но я постаралась сохранить лицо, желая, чтобы врач поскорее продолжил:

— Мэттью Хэдлесс. Он содержится у нас с отрочества и

представляет собой... уникальную находку.

Имя прозвучало как давно забытая колыбельная из детства, отозвалось на кончике языка вкусом варенья из роз. Как будто оно принадлежало кому-то важному. Но если бы человек был по-настоящему значим для меня, мне не составило труда помнить о нём что-нибудь, хранить дорогое сердцу, верно?

Я порывисто втянула носом воздух, но тут же сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Привкус на языке говорил лишь об одном: опять произойдет что-то необычное, а потом на меня будут удивленно смотреть и хвалить за быстроту реакции.

Не сейчас, только не сейчас. Больше всего на свете мне не хотелось, чтобы сознание выкинуло очередную странность прямо в кабинете у главного врача. Хватало и того, что под изучающим взглядом доктора Хэйда я ощущала себя не в своей тарелке.

— Я думала, что буду ухаживать за женщиной, — тихо пробормотала я, чувствуя, как горят уши.

Обслуживать мужчину не входило в мой план, в приглашении ничего об этом не говорилось, иначе я бы не согласилась даже за пятикратное жалование — после такого скандалов не оберёшься.

— Мисс Лидделл, вы только что сами заявляли, что здесь вы в первую очередь работник, — доктор едва заметно приподнял брови в ответ. — Поверьте мне, Мэттью Хедлесс —

особый случай, такого вы больше нигде не увидите.

— Я могу отказаться? Ваше предложение противоречит этике. Моя семья будет опозорена, если хоть кто-нибудь узнает, что я прислуживала мужчине наедине.

Мистер Хэйз резко поднялся. Его фигура в полный рост впечатлила меня ещё больше: долговязый, чуть сутулый, главный врач возвышался надо мной, как фонарный столб.

— Во-первых, у нас тут не светский салон, где слухи разносятся по воздуху. Мы здесь скорее большая семья. Все ссоры, секреты и тайны уйдут с нами в могилу.

Подойдя к стеллажам и не глядя на корешки, мистер Хэйз подцепил одну из папок. Обернувшись, он передал её мне. Я послушно подхватила, слегка согнув руки под тяжестью документов.

— К тому же я предоставляю вам подопечного, руководствуясь вашей квалификацией и блестящими результатами экзаменов в Найтингельской медсестринской школе, — объяснил он, пока я открывала и бегло просматривала личное дело Мэттью Хэдлесса, где он значился как сложный пациент, страдающий от паралича нижних конечностей и тяжёлого безумия.

Не нравилось мне это. С буйными сложно справиться одной медсестре, а с буйными безумцами — и подавно.

Между тем Хэйз продолжал с таким видом, словно сам был готов стать сиделкой, но, увы, ему не хватало ни времени, ни сил:

— За одиннадцать лет с Мэттью Хэдлессом не справились пять женщин и десять мужчин. Никто не умирал, вы не подумайте. Некоторые его боялись. С другими он не шел на контакт, играл в молчанку. Самый стойкий медбрат проработал от силы два года, но Мэттью легче идёт на контакт с женщинами. А потому я обратил внимание на ваши уникальные знания и навыки, которые непременно смогут оставить след в науке, если вы примете вызов, невзирая на пол пациента.

— Скажите, сэр, — я листала страницу за страницей, осматривая записи моих предшественников и слегка хмурясь. В самом начале жалобы на ожившие тени сочетались с бредом о каком-то другом мире, но после перевода на третий этаж текст сводился к самому обыкновенному перечислению, что пациент ел на завтрак и хорошо ли спал. — Я же всегда смогу перевестись в женское отделение на второй этаж?

— Безусловно, — доктор протяжно выдохнул, но покивал в ответ. — Я не изверг, чтобы мучать персонал, но верю, что у вас всё получится. Вы, как мне кажется, как никто другой, созданы для работы с Хэдлессом.

Последнее он произнёс устало, на одном дыхании, смотря куда-то над моей головой, как будто там выстроилась целая шеренга из девушек, которым не удалось укротить нрав безумца из одиночной палаты. В наступившей тишине доктор снял очки, протёр их и надел обратно.

— Попробуйте поработать с ним хотя бы три дня. Ничего

сложного: понаблюдайте за его поведением. Приносите еду, следите за гигиеной, поддерживайте разговор, если он захочет с вами общаться.

Доктор вернулся к столу, взял с него небольшую тетрадь в тёмно-коричневом переплёте и протянул её мне.

— А заодно записывайте в журнал наблюдений всё, что сочтёте особенно важным. Почерк, будьте добры, разборчивый.

Я взяла тетрадь и благодарно кивнула. Теперь мне хотелось не просто заслужить доверие врача, показав все усвоенные за годы знания, но и помочь ему разгадать этого таинственного пациента, как бы опасен он ни был.

— Главное, не заразитесь его безумием.

Безумие. Он произнёс это с таким пренебрежением, словно расстройство ума передавалось от человека к человеку, как чахотка. Я постаралась подавить улыбку, которая совсем не сочеталась ни с сосредоточенным лицом доктора, ни с давящей атмосферой кабинета.

— Что-то не так? — доктор Хэйз приподнял брови.

— Нет, сэр, — я прижала документы к груди. — Я просто обдумываю, с чего начать.

— Начните с того, что познакомьтесь с пациентом, — он опустил в кресло и взял со стола перьевую ручку, давая понять, что наша беседа окончена. — Уверю, он сможет вас удивить.

Глава 9. Долгожданная встреча

Мэтт.

Ожидание тянулось извращенно медленно, как будто специально отдаляло меня от долгожданной встречи.

Но вот легкие незнакомые шаги оборвались у двери в мою палату. Алиса постучала.

Я плюнул на ладонь и постарался пригладить волосы, гадая, узнает ли она меня сразу или спустя короткое мгновение. Одиннадцать лет одиночества оставили свой след.

Я оказался в госпитале Святого Креста почти сразу после того, как мне отказали ноги. Не прошло и пары месяцев, как на пороге приюта возник благородный господин, местный главный врач, мистер Хэйз, и пожелал взять меня к себе «в коллекцию». По его словам, это был частный пансион со всеми удобствами, где меня смогут поставить на ноги. Я не верил, что у них получится, но надеялся, что мне помогут, что у меня наконец-то появится место, которое можно назвать «домом». На деле одна тюрьма сменилась на другую, но здесь хотя бы не били, разве что могли окатить холодной водой за плохое поведение и уменьшить порцию еды.

Впрочем, за годы заточения в лечебнице Святого Креста я вытянулся почти до шести футов. Рукам пришлось окрепнуть, чтобы перетаскивать тело с кровати в кресло, зато у меня получалось делать это самостоятельно, не требуя помо-

щи. Я бы и с гигиеной справлялся сам, но по каким-то местным не то правилам, не то обычаям не положено. Видите ли, если перед вами калека, у которого ноги отказали, извольте помогать ему в любых мелочах. Помню, как ещё на втором этаже абсурд доходил до крайностей: меня пытались кормить с ложечки, как лежачего больного.

Алиса вошла с подносом в руках, аккуратно толкнув дверь ногой.

Это была моя Алиса. Если бы я мог вскочить, я бы поднялся в ту же минуту и обнял её, обещая больше никогда не пропадать.

— Добрый день, — ласково произнесла она, подходя ближе и с любопытством рассматривая меня, а я был не в силах оторвать от неё взгляда. Так и застыл в кресле, рассматривая, как медленно она приближалась ко мне.

Тёмно-синее платье с белым передником ей невероятно шло, оттеняло каштановый цвет волос, стриженных по плечи. За одиннадцать лет она превратилась в настоящую красавицу: стала выше, женственнее, угловатые плечи расправились, а на лице появилась тень серьёзности опытной медсестры. Её глаза, те самые прекрасные, глубокие озёра с пушистыми ресницами, ничуть не изменились, посверкивая таинственными звёздочками около зрачка.

Вот она поставила поднос с обедом на прикроватную тумбочку. Вот обернулась ко мне.

— Я — Алиса Лидделл, ваша новая сиделка. Доктор Хэйз

назначил меня приглядывать за вами.

— А я тот самый Мэтт...

Я нарочно сделал паузу, припоминая предупреждение Королевы. Мы виделись одиннадцать лет назад, детьми, время изменило нас. Но я узнал голос, походку, улыбку моей Алисы. Почему же она сейчас сделала полшага назад и смотрела на меня как... как обычно смотрели все сиделки до неё на опасного, непредсказуемого пациента, от которого неизвестно, чего ожидать в следующую секунду.

— Мэттью Хэдлесс, — она кивнула и открыла журнал. Я узнал знакомую коричневую тетрадку, которую носила каждая сиделка, которая была ко мне приставлена. Вероятно, теперь там появится запись о том, что я назвал своё краткое имя вместо полного.

Нет, передо мной стояла Алиса. Моя Алиса, а не какая-нибудь сторонняя сиделка.

Её оценивающий взгляд скользнул по мне, по креслу, по стенам. Алиса Лидделл изучала обстановку, оценивала, насколько безопасно находиться в этой комнате с непредсказуемым пациентом.

— Как вы себя чувствуете сегодня, мистер Хэдлесс? — новый вопрос из стандартного протокола. Если бы я не слышал его так много раз, слово в слово, то, возможно, поверил, что она беспокоится обо мне.

— Превосходно, особенно моя нижняя половина, — честно ответил я и кивнул на неподвижные ноги. По привычке

сорвался на сарказм, но, по правде говоря, он прирос ко мне с тех самых пор, как я попал сюда. Иначе в этих стенах не выжить.

— Простите? — Она вскинула на меня взгляд, и в них промелькнуло удивление.

— Я говорю: чувствую себя превосходно, — повторил я, натянуто улыбнувшись. — Одиннадцать лет назад мои собственные ноги перестали меня слушаться, и с тех пор остается только шутить о них. Привыкайте.

Новая отметка в тетради и ни грамма узнавания.

Мне хотелось расхохотаться над собственной глупостью, чтобы заглушить ту боль, которая разлилась внутри от вида её механического движения. Хорошая, обученная сиделка.

— Прекрасно. Не расскажите, что вам снилось сегодня? — и снова вопрос, который я слышал тысячу, нет, сотню тысяч раз. Вышколенный, правильный, как по бумажке.

Истерика подкатила к горлу неуместным смешком, а тело пронзила судорога.

Одиннадцать лет, одиннадцать лет ради чего? Ради чего я держался из последних сил, веря, что мой выбор был правильным?

— Вам плохо, мистер Хэдлесс?

— П-пустяки, — пробормотал я, сглотнув комок, застрявший в горле, и запустил пальцы в спутанные волосы.

Мне хотелось схватить Алису и закричать ей в лицо, заставить вспомнить каждую секунду наших встреч. Но сделай

я это — она, как правильная сиделка, дёрнет за звонок у двери, и из коридора примчится наш доблестный санитар Молот. Он скрутит меня по рукам и ногам, а я потеряю девушку навсегда. Она сбежит с острова, как и многие медсестры до неё.

— Как думаете, чем ворон похож на письменный стол? — предпринял я последнюю попытку. Наша загадка, мои часы, которые я ей подарил в последнюю встречу. Она должна была узнать ответ, если бы помнила меня, тайком носила мой подарок, если бы я по-прежнему был для неё особенным человеком.

Алиса вздрогнула и нахмурила тонкие брови. На её лице промелькнуло подозрение. Она опустила взгляд в журнал, занесла карандаш над бумагой, но так ничего и не написала.

— Эта загадка была на маминых часах, — с опаской заметила она.

Заправила прядку за ухо и в задумчивости прикусила губу, снова обратилась к записям, снова подняла глаза на меня. У меня перехватило дыхание от того, какая борьба велась на лице девушки передо мной. Я всё ждал, когда задумчивость сменится узнаванием, улыбкой или удивлением — не важно. Главное, что это будет моя Алиса.

Когда она улыбнулась, я сам не заметил, как наклонился к ней и протянул руку, чтобы поправить непослушную прядь волос.

— Простите, я не могу придумать внятного ответа, — на-

конец проговорила она. — А какой правильный?

Слова Алисы повисали в воздухе и медленно оседали на пол в гулкой тишине.

Моя рука застыла и упала на колени. Алиса не могла сказать подобное, только не она.

Я больше не хотел видеть эту девушку. Не здесь, не сейчас. Здесь и сейчас её слова звучали слишком неправильно, слишком больно, слишком страшно.

— Не скажу, — с горечью пробормотал я.

Она забыла меня. Выкинула из головы. Наши встречи для неё ничего не значили. Я был самым обычным мальчиком в её жизни.

Стараясь бороться с накатывающим ужасом, я обхватил плечи руками и зажмурился, как в детстве, медленно считая до десяти и прислушиваясь к собственному дыханию.

Палата погрязла в белом шуме, далёком гуле голосов, во вспышках-воспоминаниях.

Алые губы, искажённые в хищной улыбке, длинные пальцы, тянущиеся к моему подбородку, резкий, как цокот её каблучков, голос. Моя фамилия, нет, отголосок фамилии, прозвище, титул звенел в воздухе стальными оковами.

Этой ночью я сам вспорю ткань реальности, создам прореху и приползу...

— Красные или зелёные? — донёсся далёкий голос.

Станный вопрос. Особенно для этой Алисы.

Я приоткрыл глаза. Она смотрела на меня спокойно, но

пальцы зависли над листом тетради, чуть подрагивая.

— Что?

— Я спрашиваю, какие яблоки вы любите: красные или зелёные? — Алиса улыбнулась и заговорщицки подмигнула мне. — Мне зелёные нравятся. Пока мне показывали лечебницу, я украдкой расспросила повариху, и она сказала, что никто не обеднеет, если я буду брать в обед два яблока вместо одного.

Мир, несущийся в бездну, внезапно остановился.

Я смотрел на Алису, не в силах выдохнуть. Моё сердце застыло, напуганное внезапным открытием, а потом зазвенело, как и упавшая на пол серебряная вилка. Зелёные. Она сказала — «зелёные».

Алиса не помнила меня, но что-то в её подсознании вспыхнуло, как молния в грозу, и ослепило меня, заставив замереть от предвкушения.

— Зелёные, — выпалил я упавшим голосом и прокашлялся. — Красные слишком... сладкие.

Алиса склонила голову набок, точь-в-точь как тогда, в детстве, когда протягивала мне яблоко. Карандаш замер над тетрадью, а на лбу девушки пролегла тонкая морщинка.

— Странно, — пробормотала Алиса, глядя сквозь меня, потерла пальцами щёку. — Я будто знала ваш ответ ещё до того, как вы рот открыли.

Игла перестала полосовать по груди. Я сложил руки на коленях, стараясь выглядеть спокойным, хотя внутри всё ли-

ковало и плясало безумную кадрили.

— Иногда слова не нужны. Достаточно послушать сердце, не используя фонендоскоп, — предположил я, не в силах перестать глупо улыбаться. Мои слова звучали как романтическая чушь, но в голове царил такой кавардак, что я не отдавал отчёта, что нёс.

Она приснула. Прикрыла рот ладошкой — по старой, знакомой привычке, от которой я невольно улыбнулся. Её взгляд украдкой задержался на моих руках, которые я сжал в кулаки, стараясь скрыть дрожь.

— Да вы романтик, мистер Хэдлесс, почти как моя сестра. Но всё проще: у вас слишком живая мимика. — Алиса покачала головой и сильнее обхватила журнал, теребя краешек.

Я заметил, что на её безымянном пальце нет кольца. Что-то тёмное, эгоистичное, глубоко запрятанное внутри меня обрадовалось и возликовало.

Алиса не замужем. Она выбрала рассудок, а не чувства, суровую работу, а не тепло домашнего очага. Она приехала сюда, на забытый Богом остров, а не осталась в Лондоне.

— После обеда я принесу вам зелёное яблоко, — пообещала она.

— Спасибо, мисс, это очень мило с вашей стороны.

Я подмигнул. Алиса уже подошла к двери, но замешкалась на пороге, положив ладонь на ручку.

— С вами всё в порядке, мисс Лидделл?

— Да, — она обернулась. Взгляд голубых глаз скользнул

по мне, по вышивке на коленях, по стенам и снова вернулся к лицу. Она нахмурилась, как будто припоминая нечто важное, но помотала головой. — Я вернусь после обеда. Если вы всё съедите, то получите яблоко в качестве вознаграждения.

Она кивнула на поднос с едой, где в глубокой тарелке был жиденький суп, а рядом лежал ломоть хлеба.

— Буду ждать, — я склонил голову в церемониальном поклоне, и она вышла.

Дверь закрылась. Размеренные шаги Алисы затихали в коридоре.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза, позволяя улыбке — глупой, счастливой, совершенно неуместной в промозглый ноябрьский день — расползтись по лицу.

Она не помнила меня, но чувствовала, что мы связаны.

Я сжал пальцами колени. Одиннадцать лет назад я посмел пойти против Королевы и выбрал Алису. Выбрал, зная, чем заплачу. И сейчас, глядя на закрытую дверь, не жалел ни об одном сделанном шаге.

Если сознание Алисы Лидделл закрыло воспоминания обо мне тяжелой дверью науки и логики, значит, я сломаю её, вопреку, как неаккуратно пришитую пуговицу: стежок за стежком, шаг за шагом. Верну забытые воспоминания и подарю новые.

Только бы не спугнуть.

Глава 10. Обед и предрассудки

Алиса

Я вышла из комнаты и сделала пару глубоких вдохов, мысленно проклиная человека, который разлил в палате воду с ароматом роз. Даже моя мама никогда не позволяла себе так сильно душиться. Персонал, наверное, принял, пациент, в силу своего нервного расстройства, не обращал внимания на запахи, а вот мне пришлось бороться на протяжении всей беседы.

Доктор Хэйз был прав. Мэттью Хэдлесс — не обычный пациент лечебницы, не лунатик и не истерик. Он смотрел на меня так, словно знал всю жизнь, одним голосом заставлял сердце биться быстрее и упоминал вещи, о которых я никому не рассказывала.

Я приложила холодные ладони к щекам, стараясь прийти в себя. Кто дернул меня за язык начать рассуждать о яблоках? Почему после того, как я не смогла ответить на странную загадку, у Мэттью было такое лицо, как будто от моего ответа зависела вся его жизнь?

Бред!

— Ну как, познакомились? — Джон Мердок, дежурный врач по этажу, перехватил меня в коридоре. По словам местной старшей медсестры, он был единственным, кто не боялся находиться на третьем этаже и чувствовал себя как дома

без кошмаров и головной боли, которые связывали с влиянием Хэдлесса.

Теперь он преградил дорогу, возвышаясь надо мной.

Мердок принадлежал к тому типу мужчин, на которых даже новомодный больничный халат, похожий на пальто, смотрится как дорогой фрак. Правильные черты лица, уложенные черные волосы, завитые усики — что ещё нужно девушке, чтобы её сердце растаяло от одного вида такого красавца?

Однако я на подобных франтов насмотрелась ещё в детстве, когда они окружали мою сестру, а теперь прекрасно понимала, что за привлекательной внешностью, как правило, скрывается отвратительный характер.

— Он... необычный, — я вежливо кивнула и постаралась улыбнуться. Шагнула влево, змейкой проскользнула мимо него и пошла вперёд.

— Весьма, — подтвердил Мердок. Он поравнялся со мной и пошёл рядом по коридору, не отставая ни на шаг. — Я бы написал по нему статью для «Ланцета», но доктор Хэйз не разрешает.

Он помедлил. Взгляд его ушел чуть в сторону палаты мистера Хэдлесса. Он поджал губы, а после словно спохватился:

— А вас что привело сюда?

— Желание быть полезной там, где это действительно необходимо, — отчеканила я фразу, которую использовала в том числе для самой себя. Время от времени я повторяла

себе, что Лондон или Бирмингем прожили бы и без меня, а здесь, где каждый человек на счету, я нужнее.

— Похвально, — доктор обаятельно улыбнулся, но я лишь свела брови к переносице. — Здесь редко увидишь настолько привлекательную девушку, ещё и с блестящим образованием.

— Здесь есть ночная сиделка? — решила я поскорее сменить тему, не желая выслушивать неприкрытую лесть.

— Только ночной санитар, Роб Анвил. Хэдлесс по ночам в основном спит.

— А приступы лунатизма или бреда у него не случаются? — поинтересовалась я. Мердок отмахнулся.

— Он тих и не слишком общителен даже днём, если не обращаться к нему напрямую и не провоцировать.

Я прикусила губу. Странно, а мы с ним занятно поболтали. Должно быть, главный врач был прав и таинственный пациент испытывал подсознательную симпатию к девушкам. С некоторыми истериками такое случалось, если верить случаям, которые я слышала во время учёбы в Найтингейле. Человек мог годами играть в молчанку с мужчинами, но расцветал при виде молоденькой сиделки.

— Не переживайте, Хэдлесс любит новеньких, — врач подтвердил мои слова, словно прочёл мысли. — Скажу по секрету: иногда мне кажется, что он сам нарочно отпугивает девушек, из жалости.

Я кивнула и улыбнулась в знак благодарности. Мы напра-

вились в общую столовую. С утра мне удалось только перекинуться парой слов с поварихой, а после обеда предстояло провести с Мэттью оставшуюся часть дня вплоть до ужина.

К пациентам здесь относились не как к заключенным, а как к работникам или гостям: заставляли ухаживать за садом, стирать бельё, готовить, но Мэттью был тут на особом счету. Если верить его истории болезни, Хэдлессу позволили шить, но, согласно записям в журнале, подшивать одежду поручали редко.

— Прошу, — доктор Мердок придержал дверь и сделал широкий жест, приглашая меня войти.

Столовая представляла собой залитую светом просторную комнату. Высокие окна пропускали скупой зимний свет, заливающий ряды длинных столов: один — для старшего персонала и ещё три — для сиделок, санитаров и прислуги.

Мистер Мердок кивнул мне и отошел к столу, где уже восседала старшая медсестра и ещё двое мужчин в белых халатах. Я проводила его взглядом, взяла обед и уже собралась найти свободное место где-нибудь в стороне от всех, как вдруг меня отвлёк задорный девичий окрик:

— Новенькая, иди сюда!

За одним из столов хорошенькая миниатюрная девушка-блондинка в сестринской униформе махала мне рукой, привлекая внимание двух соседок. Она вся лучилась задором и энергией, вероятно, ещё с детства привыкшая быть главной заводилой и душой компании.

Я смутилась, но последовала к их столику. Отказ после такого бурного приветствия прозвучал бы крайне грубо и нетактично с моей стороны.

— Садись-садись! А ты та самая выпускница Найтингейла? — продолжила тараторить блондинка, но тут же двинулась левее, освобождая мне место. — Я Амелия Уинтфри, а это Изабелла Шторм и Мэри-Энн... просто Мэри-Энн. Мы с Изабеллой по тихим, Мэри-Энн по активным подопечным.

— Очень приятно, меня зовут Алиса. Алиса Лидделл, — я приветливо улыбнулась и опустилась на скамью.

Надо приглядеться к ним: возможно, эта троица станет моими лучшими подругами. Так всегда бывало с самого раннего детства: я не умела знакомиться и заводить друзей сама, зато прекрасно дополняла уже сложившиеся компании.

— Какое прелестное имя! — воскликнула Амелия.

Две её соседки по столу кивнули и улыбнулись мне. Изабелла, кудрявая немолодая блондинка, утонченно держалась и ела с королевским изяществом, которому позавидовала бы моя сестра, но в её взгляде чувствовался стержень. Мэри-Энн, полноватая, рыжая и веснушчатая женщина, ровесница моей мамы, смерила меня усталым взглядом и хмыкнула.

— Как тебе наш красавчик-врач? — продолжала щебетать Амелия, подкладывая в мою тарелку свой недоеденный обед. — Уже успел осыпать комплиментами?

— О да, он сама любезность. — Я подцепила ложкой вяз-

кий суп, отмечая, что кормят здесь неважно, но лучше, чем в школе. Неся поднос с едой в палату к пациенту, я предполагала, что его обед продиктован особой диетой, но всё объяснялось проще: готовили на всех одинаково сурово и в больших количествах. — Но я здесь ради работы, а не для служебных романов.

— Вот и правильно, — одобрила мой ответ Мэри-Энн, кинув колючий взгляд на стол для врачей. — Не повторишь судьбу прошлой сиделки.

— А что с ней случилось? — я сунула ложку супа в рот, но практически не почувствовала вкуса.

— Мистер Мердок так много уделял ей внимания, что она и трёх дней не продержалась, — охотно пояснила Мэри-Энн, подмигнув. — Покинула остров, как только лодка прибыла с большой земли. Местный рекорд по побегу сиделок.

— Даже не попрощалась, — обиженно поддакнула Амелия, вздёрнув короткий носик.

— Это не из-за мистера Мордока. Он всего лишь настоял на её отъезде заметив истинную причину, — таинственным шёпотом, слегка с придыханием и мечтательным видом подала голос Изабелла. — Во всём виновато царящее на третьем этаже безумие. Это всё таинственный мистер Хэдлесс, в присутствии которого стены тихо шепчут, тени становятся плотнее, а ветер приносит из тумана голоса неведомых существ в беспокойную дождливую ночь!

Я уставилась на Изабеллу и смущённо кашлянула в кула-

чок. Она говорила так, словно цитировала нам таинственную историю из дешёвых бульварных ужастиков, которыми зачитывалась моя сестра.

— Не обращай на неё внимание, — отмахнулась Амелия, звонко рассмеявшись и ткнув соседку под бок. — Изабелла у нас излишне любит мистику и сама бы перевелась на третий этаж, да кто же ей разрешит? — она подмигнула подруге и продолжила тараторить: — Туда только по личному приказу главного врача ссылают. Тебя же определили к нам, на второй этаж, верно? Я слышала, что в школе Найтингейл у медсестёр железные нервы и сильные руки. Нам бы такой боец, как ты, не помешал.

Я смущённо улыбнулась. Комплимент был приятен и близок к правде. Во время учёбы приходилось закалять характер, потому что слабые не справлялись на первом же дежурстве и возвращались домой следующим утром.

— Я с третьего. И доктор Хэйз верит в меня. — Я выпрямила спину, готовясь к дальнейшим расспросам.

Повисла пауза. Лица девушек переменились. Амелия зажглась ещё большим восторгом: похоже: я только что стала её героиней. Изабелла тихо хмыкнула, а Мэри-Энн тяжело вздохнула.

— Ну, тогда удачи, — объявила она, звонко ударив ложкой по тарелке. — Всем приятного аппетита, давайте не задерживать Алису в её первый рабочий день.

Мы затихли и погрузились в раздумья, поглощая простую

постную пищу. Время от времени я чувствовала, как то одна моя соседка по столу, то другая внимательно и настороженно рассматривали меня, но не решались заговорить. Я отвечала им молчаливой взаимностью.

После обеда я прихватила с собой поднос с чаем, два зелёных яблока и решительно направилась на третий этаж.

В призраков, духов, тени и странный туман я не верила. У меня есть голова на плечах, а годы увлечения медициной помогали сохранять здравый ум и трезвый рассудок.

Глава 11. Чай с прорехами

Мэтт

Впервые в моем пребывании в этом заведении, помимо закрытия прорех и попыток не допустить прорыва тварей изнанки, появился новый смысл.

Алиса постучалась и вошла, держа в руках поднос с двумя зелёными яблоками, заварочным чайником, молочником и чашками. Ее походка казалась столь стремительной, что сомнений не оставалось — моя сиделка торопилась ко мне. Её забота и решительность вызывали улыбку.

— Ого! Вы сдержали своё обещание, мисс Лидделл, — вместо приветствия я кивнул в сторону яблок.

— Я всегда выполняю обещания, сэр, — Алиса поставила поднос на прикроватный столик, присела на стул рядом со мной, у подоконника, и протянула фрукт.

Всего на мгновение её пальцы коснулись моих, но по телу прокатилась приятная теплая волна мурашек. Как в детстве, как будто мы снова сидим под нашим вязом.

Я повертел яблоко в руке, потёр блестящий бок плода и надкусил его, громко чавкая. Некоторые привычки никогда не меняются, и это, пожалуй, самая лучшая черта в людях, которая способна связать прошлое с настоящим единой ниточкой.

— Это самое вкусное яблоко, которое я ел за последние

одиннадцать, нет, двенадцать лет, — сказал я с набитым ртом и жадно сглотнул.

— Обычное яблоко, могу вам приносить такие хоть каждый день за хорошее поведение, — растерянно удивилась Алиса и принялась заваривать чай.

Она аккуратно, легкими, но точными движениями подхватила молочник и наполнила две расписные чашки из толстого фаянса. Следом в её руках оказался чайник, исходящий паром. Тонкая струйка полилась ровно в середину, смешивая жидкости до светло-коричневого оттенка. В воздухе запахло ароматом классического черного чая, который я так давно не пил. Санитары обычно пили его неразбавленным, заваривали так крепко, что скулы сводило, а сиделки, судя по всему, брали с них пример и редко готовили чай как надо, а не поили меня чуть разбавленной заваркой.

— Ловлю на слове. — Я подмигнул, на секунду позабыв, что мы сидели в моей палате в клинике, а не под вязом в Оксфордшире.

Это сыграло злую шутку. Алиса резко выпрямила спину, кинула на меня холодный, оценивающий взгляд и поджала губы.

— Соблюдайте приличия, мистер Хэдлесс, — произнесла она, всучив мне в руки чашку. Я подхватил её и сделал жадный глоток.

Она потянулась за чашкой для себя, но отдернула руку и достала тетрадь. Что-то записала туда.

Чай застрял у меня в горле. Я почувствовал себя диким зверьком, за которым наблюдают натуралисты и фиксируют особенности строения его тела и повадок. Доктор Мердок делал это постоянно при обследованиях, но видеть, как меня изучает Алиса, оказалось невыносимо.

Проклятые правила, проклятая память, проклятые двенадцать лет, которые теперь загоняли меня в рамки приличия сильнее нравов нашего общества и этикета двора Красной королевы.

— Вы любите читать? — внезапно спросила Алиса, не отрывая взгляда от журнала, только карандашом поболтала между пальцев в такт собственным мыслям.

Я поднял глаза к потолку.

Алиса читала мою историю болезни, наверняка просмотрела от корки до корки, как когда-то папины книги. Если я сейчас начну ей рассказывать о таинственных подарках, тенях и Красной королеве, она наверняка подумает, что я совсем сумасшедший.

Я собирался рассказывать ей о нас осторожно, аккуратно восстанавливая пробелы в памяти. Надежда на то, что она меня вспомнит сама, никак не угасала.

— Не особо, да и куда мне? Приютским мальчишкам не дарят книг, — медленно произнёс я, покачав головой. — Но меня научили бегло читать. Одна подруга научила.

Карандаш в руках Алисы завис над журналом. В её глазах промелькнуло детское любопытство, или, по крайней мере,

мне так показалось.

— У вас здесь есть друзья? — уточнила она.

— Только кот. — Я позволил себе слабо улыбнуться и растерянно дёрнул плечом. — Но это было давно, до того, как я здесь оказался. Мы с ней читали вместе, а потом разыгрывали сценки из книг.

— Ваша подруга, — начала Алиса, слегка нахмурившись, как будто решала сложный пример. — Как вы познакомились, если тут сказано, что ваше детство с пяти до одиннадцати лет прошло в приюте?

— Действительно, неужели в приюте нет других детей? — задумался я, поставил чашку на поднос и пожал плечами.

— Вы сказали «подруга», а не «друг», значит, имели в виду девочку. Вы росли в приюте для мальчиков имени Святой Марии.

Я развёл руками, признавая своё поражение:

— По правде говоря, время от времени мне удавалось оттуда сбегать, и тогда мы виделись.

Алиса чуть отшатнулась, нахмурилась, но, оглядев меня с ног до головы, решила продолжить расспрос:

— Вы ведь давно не говорили с людьми, верно? Вас описывают как крайне молчаливого и не склонного к общению человека, — она постучала пальцем по открытой странице.

— Общение — это когда говорят двое, а мне тут чаще задают вопросы, чем отвечают на мои. Хотите общения, тогда расскажите о себе, мисс Лидделл, — попросил я, свел бро-

ви «домиком», как уличный попрошайка, и умилительно посмотрел на мою сиделку. — Мне редко выпадает случай поговорить с кем-то из внешнего мира. Скажите, где вы росли? Как стали медсестрой? Почему приехали сюда?

Алиса скользнула взглядом к окну, за которым постепенно сгущались зимние сумерки и туман становился плотнее, перевела взгляд на меня.

— Зачем вам знать об этом? — она поджала губы, но осталась сидеть, не двинувшись с места, только пальцы её напряглись излишне сильно.

— Ну, вы-то обо мне знаете всё из вашей книжонки, — я кивнул на ее ладони, которыми она прикрывала обложку журнала. — А мне не нравится, что я для вас как открытый словарь. Буква «М» — Мэттью Хэдлесс — сегодня пополнился ещё парочкой определений.

Алиса посмотрела на журнал, открыла, что-то записала, затем резко зачеркнула. Покачав головой, пролистала его и отложила в сторону.

— Я из Оксфордшира. Мой отец был врачом, мама преподавала музыку и французский. Я с детства решила стать как папа, но женщин-врачей не бывает, и пришлось выбирать то, что есть. А сюда я приехала по личному приглашению доктора Хэйза. Вы довольны?

Она говорила торопливо, желая скорее отмахнуться от неудобной темы. Я решил, что раз она так не хочет обсуждать прошлое, то и пытаться её дальше нет ни капли смысла.

Но журнал был закрыт, карандаш отложен, и вместе с ними между нами словно упала маленькая преграда.

— Что ж, давайте вернёмся к тому, с чего мы начали, — мягко проговорила Алиса профессионально-заученным тоном. — Какие книги вам нравятся?

— Никакие, — тихо буркнул я и замер. Вовсе не потому, что напоминание о книгах было неприятно — по телу пробежала знакомая оторопь.

Воздух сгустился, зазвенел.

Я мазнул взглядом по комнате, стараясь отыскать её — дырку, которая внезапно открылась.

Давно я не их видел, ни крупных, ни микроскопических, почти незаметных. Стоило новой сиделке переступить порог моей палаты, твари не заставили себя долго ждать.

Прореха возникла словно из ниоткуда. Тонкая, как бумажный порез или содранная с ранки кожица, она расплзлась по стене прямо за Алисой.

— Мисс Лидделл, — обратился я к ней как можно беззаботнее, стараясь не спугнуть, а сам потянулся за вышивкой на столе. — Будьте добры, выйдите из моей палаты.

— Простите? — не поняла она.

Я заметил рану в стене под подоконником, около которого сидела Алиса. По комнате прошелся неприятный холодный поток ветра, принесся удушающий аромат. Трещина расширялась. Медленно, почти незаметно, она росла, захватывая стену.

— Ваш чай горчит. — Я сжал чашку в руке, второй подхватил пяльцы, лихорадочно стараясь придумать, как же проводить мою сиделку, не вызывая подозрений.

Послышалось едва заметное шипение, похожее на звук проливного дождя. Из прорехи показалось тонкое туманное щупальце.

Что-то по ту сторону шевелилось, пыталось пролезть. Не Брандашмыг. Он был одним единственным, уникальным питомцем Королевы и погиб от моей руки. Наверняка его меньший собрат, как та жуткая тварь, от которой пострадал мой бедный бывший сосед по палате.

— Мистер Хэдлесс, у вас руки дрожат, — вдруг заметила Алиса.

— Правда? — процедил я сквозь зубы и отпил чай с жутким хлюпаньем. Иногда это помогало думать.

— Мистер Хэдлесс? — взгляд Алисы остановился на моей руке. — Вам нехорошо?

Проклятье. Если трещина откроется полностью, я не успею защитить Алису, и даже если она не пострадает, то увидит существо, а ей пока рано сталкиваться с тварями. Иначе её излишне рациональный ум либо сломается, либо заставит бежать с острова ближайшей лодкой.

Все сиделки от меня сбегали, как только я не справлялся или справлялся слишком поздно.

Удивительно, но твари никогда не бросались на меня, как будто для них я казался невкусным или слишком спокой-

ным.

Они предпочитали молодых сверхчувствительных девушек, может потому, что те легче поддавались панике, даже не видя, но чувствуя потустороннее вмешательство.

Тонкое щупальце коснулось горла Алисы, скользнула по шее, облизав оголенную кожу, попыталась схватить.

— Мне нужен чай! — выпалил я первое, что пришло в голову, и швырнул чашку прямо в черный сгусток.

Чашка пролетела мимо Алисы и врезалась о стену, оставив после себя мокрое коричневое пятно.

Тварь зашипела, задёргалась, но отступила.

— Мне нужен горячий чай, а не эта теплая горькая отрав! Срочно! — выкрикнул я.

Алиса с недоверием покосилась на чайник и чашки, отставленные в сторону, потёрла шею.

— Пожалуйста. Я в комнате, в безопасности, никуда не сбегу, — постарался пошутить я, похлопав по колену.

На что я надеялся? Разрушить повисшее напряжение у меня никак не получалось.

— Хорошо, — произнесла она наконец растерянно. — Я быстро.

Алиса подхватила поднос, осторожно отошла к двери и покинула комнату.

Трещина уже разошлась на ширину ладони.

Из крошечной темноты тянулся безобразный дымчатый сгусток, сотканный из тумана.

Я взмахнул иглой в воздухе, но остановился.

Поздно. Когда тварь лезла, прорехи невозможно было зашить на расстоянии, только через прикосновение.

Я выдохнул и рванул кресло вперёд. Чашки подпрыгнули, расплескивая оставшуюся жидкость.

Я выхватил иглу из вышивки, отбросил пяльцы и сжал её в пальцах.

— Не сейчас, — прошипел я, всаживая иглу в край зазора.

Сталь нехотя вошла в штукатурку. Нитью служила струйка моего дыхания. Долгий выдох — короткий вдох. Стежок. Выдох-вдох. Ещё один. Ткань реальности дрожала, но поддавалась уверенным движениям. Щупальце попыталось обхватить моё запястье, но я с размаху всадил в тварь иглу. Конечность дёрнулась и втянулась во тьму с хлюпающим звуком. С каждым новым вдохом дыра постепенно смыкалась, чёрный провал исчезал на глазах, превращаясь в едва заметное марево, а грудную клетку сдавливало всё сильнее.

— Не сегодня, — я размашисто провернул иглу, создавая узелок, бормоча слова под нос как заклинание. — Не при Алисе.

С очередным выдохом я обмяк в кресле. Руки дрожали от напряжения, воздуха не хватало, а горло саднило. Каждый раз на меня накатывало отвратительное ощущение, как будто меня поили обжигающим кипятком. После него хотелось лечь и отвернуться к стене, где не было ни прорех, ни моих неумелых потуг их залатать.

Я повернулся, чтобы вернуться к кровати, но тут дверь открылась, а в комнату вошла Алиса с новой порцией чая.

Мы застыли, обескураженно смотря друг на друга.

Интересно, промелькнуло ли в её мыслях, что я в припадке решил под шумок сбежать через зарешеченное окно?

— Я принесла вам чай, — сообщила Алиса.

Её глаза метнулись к стене, ко мне, к разбитой чашке, отброшенной вышивке. Алиса задержала взгляд на пальцах, будто делала мысленную пометку.

Я замер. Неужели я плохо зашил и остался след, который она каким-то образом сумела разглядеть?

— Что здесь произошло? — спросила она с легким упреком.

В конце так и просилось нравоучительное «негодный мальчишка», но последний раз я слышал подобные слова только от воспитателей в приюте.

— Простите. Птица. За окном. Долбила в стекло. Я пытался её спугнуть, — я растянул губы в самой беззаботной улыбке, на какую был способен в минуту, когда сердце всё ещё отдаваясь звоном в ушах, а мысли метались как стадо слонухов.

Алиса смотрела на меня с недоверием, смешанным с любопытством и почти невыносимым желанием, чтобы разгадка оказалась простой и понятной.

— Завтра в обед вы яблоко не получите, — строго заметила она и принялась заваривать чай, время от времени с со-

мнением поглядывая на темнеющее пятно на стене.

Мне хотелось ответить, что я прекрасно проживу и без яблок. Главное, что я наконец-то мог облегченно выдохнуть.

Всё обошлось. Алиса не пострадала. Я успел зашить рану в пространстве и не допустил прорыва, даже если сейчас выглядел глупо.

Лучше выглядеть странным, чем подвергать опасности дорогих людей.

Глава 12. Подарок из прошлого

Алиса

Больше ничего примечательного за первый день моего знакомства с пациентом с третьего этажа не произошло.

Наоборот, Мэттью словно извинялся за своё поведение: вёл себя тихо и молчаливо, даже слишком. Изредка я замечала на себе его пристальный взгляд, но Хэдлесс молчал и не решался заговорить первым.

Что-то в этой комнате было не так, и дело было не в птицах. На меня давила сама атмосфера замкнутого пространства, и всё время чудился аромат роз, хотя я не понимала, откуда он шёл.

Когда я пыталась начать беседу об этом, Хэдлесс тихо просил не отвлекать его от работы и принялся вышивать какой-то едва заметный рисунок, который начал вырисовываться на канве.

Как и положено, я завершила дежурство и сдала ключ от комнаты подопечного ночному санитару Робу Анвилу.

Анвил как будто сошел со страниц книжек для детей: высокий, упитанный, с толстым лицом, пухлыми губами и носом-картошкой. Он настолько походил лицом и манерами на Боба Хаммера, который дежурил на посту в коридоре днём, что у меня невольно закрался вопрос, не братья ли они.

Как их только не путали?

Полное имя у них было одинаковое: Роберт, но никто не называл санитаров Робертами и фамилии не использовал. Я спросила у Амелии за ужином, откуда столь странное обращение, и в ответ услышала: «Так повелось».

— Как он сегодня? — проворчал санитар медленно, по буквам выводя в журнале моё имя и часы работы.

— После обеда мистер Хэдлесс сорвался на странную панику из-за птицы, но чай его успокоил. Потом он долго вышивал, играя со мной в молчанку. От ужина отказался. Теперь спит как убитый.

— Бывает, — добродушно протянул Роб. — Значит, ночь будет тихая. Это хорошо.

— У него такое часто происходит? — уточнила я. Надо придумать, как реагировать в подобных случаях.

Несмотря на ценные, хоть и краткие, записи в журнале, мне не удалось понять, чем продиктована перемена в настроении Хэдлесса. Одна из первых сиделок оставила странную пометку «прореха», описывая схожий случай, но почерк был такой неразборчивый, что там могло быть написано и «орехи», и даже «проблема».

— Раз в два-три месяца, мож быть, — пробурчал санитар, осторожно выводя вторую букву «С» поряд в моём имени, как будто двух пар букв в фамилии ему показалось мало.

— А с чем связано, вы не знаете? — продолжала расспрашивать я. Роб поднял на меня глаза с таким недоумением, что спрашивать что-то ещё расхотелось.

— Ну дык... Меньше думайте — крепче спите, — посоветовал он. — Доброй ночи, мисс.

Комнату мне выделили здесь же, на третьем этаже. Кастелянша сообщила, что первый и так переполнен и предложила устроиться недалеко от подопечного. Я сочла её предложение вполне разумным. Мало ли зачем и когда может понадобиться моя помощь, а потому соседство с санитарями и Хэдлессом я рассматривала не как наказание, а скорее в качестве необычной привилегии. Целая огромная комната с единственной кроватью для меня одной. Жаль только, что стены здесь были тонкие и дрожали от храпа Боба Хаммера.

Днём я успела только чемоданы забросить сюда и переодеться в униформу, а теперь так устала, что все мысли были только о том, как составить отчёт и поскорее пойти спать.

Я переоделась в ночную рубашку, накинула шаль на плечи, распустила волосы и села за широкий стол у окна.

Под раскатистую трель из соседней комнаты я старалась подобрать правильные слова для официальной сводки, но она все равно вышла на удивление сухой и состояла в основном из цифр и фактов.

Пока я писала отчёт, то пришла к простому выводу: Мэттью Хэдлесс целый день проверял моё терпение необычным поведением, прощупывал границы дозволенного. Он осторожно искал мои слабости, чтобы надавить в нужный момент, когда я наскучу ему.

Остров, тонущий в тумане, истории в столовой и загадоч-

ные совпадения делали пациента с третьего этажа фигурой не просто странной, а мистической, как в любимых историях моей сестры. Пятнадцать сиделок за одиннадцать лет. Человек-два в год. Звучало как признание профессиональной некомпетентности доктора Хэйза. За такое время Мэттью наверняка видел самых разных людей и словно сознательно отпугивал их как неупокоенный дух в древнем замке.

Не на ту попал. Я первая выпускница из Найтингейла на его памяти и не позволю себя сломать или напугать, даже если Хэдлесс приложит для этого все усилия.

С этими мыслями я провалилась в сон, состоящий из непроглядной темноты. Лишь на рассвете проснулась от странных звуков. Кто-то скрёбся. Так делала моя кошка, засыпая со мной по вечерам, а наутро прося открыть дверь и выпустить её из комнаты.

— Не сейчас, Дина, — пробормотала я в полудрёме, повернулась на другой бок и снова заснула. Во сне мне казалось, что скреблись рядом со мной, а не на этаже.

Утро наступило внезапно и унесло звуки кошачьих когтей.

Коридор постепенно оживал: за дверью раздались поспешные шажки горничной и тяжелые — санитаров. Мне пора было готовиться к утреннему обходу.

Я наскоро умылась, причесалась и посмотрела в тот угол, где стоял мой скромный саквояж.

Мой чемодан так и остался нетронутым и захламлял ком-

нату. Я опустилась на колени, отщёлкнула замки и подняла крышку.

Сверху лежало вечернее платье. Не знаю, зачем сестренка сунула его. Как будто я ехала сюда не работать, а женихов заводить. Лори всегда была чуточку романтична. Она и в этот раз не удержалась: пока я прощалась с родителями в гостинной, сестра суетилась вокруг моего чемодана, что-то перекладывала, добавляла, причитая, что на острове наверняка сыро и холодно и что я буду окружена красивыми врачами, а потому не стоит упускать своего шанса.

Платье я повесила подальше в шкаф и вынула стопку нижних юбок. Под ними лежали тёплые чулки и небольшой дорожный набор: щётка для волос, мыло в жестяной коробочке, нюхательная соль. Рядом собрание стихов Эдгара Аллана По — снова проделки моей сестры, но уже в качестве напоминания о себе. Всё шло по порядку, всё было на своих местах, и это механическое занятие успокаивало после ночи, наполненной странным скрежетом.

А потом мои пальцы наткнулись на что-то твёрдое, завёрнутое в атласную тряпицу. Я потянула за уголок ткани, развернула — и замерла.

На ладони лежали мамины часы, те самые, которые пропали много лет назад.

Тонкий серебряный браслет с инкрустированной крышечкой. Такой привычный и необычный, вызывающий чувство дежавю. Я чувствовала их тяжесть на ладони и понимала, что

передо мной не продолжение сна, не утренний морок.

Когда часы исчезли, я проревела полдня, потому что вещь казалось очень важной. Маме пришлось долго успокаивать меня, твердить, что они красивая фамильная безделушка и их потеря не стоит моих слёз. Мы искали их вместе несколько дней, перерыли весь дом, залезли на чердак, обшарили подвал. А теперь украшение нашлось, лежало в моём чемодане, который папа подарил мне перед отъездом в Найтингейл.

Я осторожно открыла крышечку и обнаружила на циферблате двенадцать больших чисел по кругу, как у обычных часов. Единственная ажурная длинная стрелка застыла на большой цифре «шесть».

«Подарок на день нерождения» — всплыл в голове чей-то насмешливый голос.

Странное сказочное слово, которого я никогда не слышала от взрослых. Оно пришло откуда-то из глубины, из тех лет, когда я верила в фей и чудовищ в шкафу.

Переборов оторопь, я попыталась отыскать простое объяснение внезапной находке, как учил меня папа: часы, скорее всего, положила Лори, впопыхах позабыв сказать, что нашла их. А слово могла придумать Эдит — мы любили истории про фей, которые сочиняла старшая сестра. Я давно не слышала её голос, и это нормально, что он иначе звучал в воспоминаниях.

Я повертела часы в руках. Мой взгляд упал на гравиров-

ку на крышке. Латинские буквы сплетались в тонкий, почти незаметный, неразборчивый узор, но я уже догадывалась, какая фраза написана.

«Чем ворон похож на письменный стол?».

Те же слова произнёс Мэттью. Откуда он узнал о том, что написано на моих часах, которые достались мне от мамы, а ей от двоюродной тётки? Что, если Изабель права и Хэдлесса перевели на третий этаж не просто так? Что, если дело в его оккультных способностях или одержимости...

Отставить панику. Одержимости не существует, а оккультизм — не более, чем игра для впечатлительных взрослых.

Резко сжав часы в кулаке, я впилась ногтями в ладонь. Мне двадцать, я уже не маленькая девочка — я медсестра. В моём мире не существует невероятного. Всё можно объяснить, если очень постараться. А если не получается самой, тогда нужно найти того, кто поможет.

Я застегнула браслет на запястье. Ремешок, который в детстве болтался и норовил соскользнуть, теперь сидел как влитой. Металл потеплел, а часы пришли в движение с гулким тиканьем — будто только и ждали моего прикосновения, чтобы вернуться к работе. Стрелка лениво дёрнулась, сместившись правее, на пятерку.

Мне предстоял новый день с Мэттью Хэдлессом. Я намеревалась спросить его про загадку при первой удобной возможности и была готова услышать любой, даже самый безумный ответ.

Глава 13. Слабо — не слабо

Мэтт

Я ненавидел закрывать прорехи.

Стоило мне залатать дыру, как силы покидали меня на добрую половину дня, а то и дольше. Иногда казалось, что вместе с дыханием я вплетал в нити частичку себя: свои силы, своё время, свою жизнь.

Однако у такого долгого сна было одно несомненное преимущество: я высыпался. Мне ничегошеньки не снилось и по пробуждении я чувствовал себя заново родившимся.

Сегодня утром мягкие пальцы погладили мою щёку, смахнули прядь волос, тут же отпрянули, но через мгновение коснулись запястья.

Алиса положила подушечку большого пальца на выступающую венку и замерла. Я знал, что рядом сидит именно она по исходящему едва уловимому аромату, и втайне радовался мгновению тишины и близости между нами, боясь открыть глаза.

Сейчас можно было замереть и представить, что моя сиделка — та самая девятилетняя девочка, которая сидела со мной под вязом, а не взрослая, прячущаяся за сводом правил, морали и этикета молодая леди.

— Доброе утро, Мистер Хэдлесс, — негромко, с опаской позвала она. — Сэр, я знаю, что вы проснулись.

Я лениво приоткрыл один глаз и всмотрелся в слегка обеспокоенное лицо моей сиделки. Алиса была прекрасна, даже когда её выражение лица сулило мне неприятности. Ещё и это уважительное обращение резало слух прямо с утра.

— Доброе утро, мисс Лидделл! — я широко улыбнулся, открыл второй глаз и изобразил самое невинное выражение, на которое оказался способен спросонок. — Я смотрю, вы проверяли мой пульс. Иногда он грохочет так, что слышно даже в коридоре, не правда ли?

Я подтянулся на локтях, заметив на прикроватной тумбочке завтрак: та самая пресловутая овсянка с комочками и ужасно разбавленный чай. Каждый день одно и то же, из года в год, исключение здесь делали разве что по праздникам. Впрочем, я привык к скудности еды ещё с детства, а лечебница выигрывала по сравнению с приютом лишь в одном: меня здесь никогда не морили голодом.

Алиса чуть помедлила, задумавшись над моими словами, но кивнула:

— Я руководствуюсь правилами и расписанием. Сейчас я должна проверить ваше самочувствие и опросить. Вы правы, ваш пульс учащён. Что вам снилось?

Темнота, всякий раз после зашивания прорех мне снилась чертова непроглядная темнота и ощущение бесконечного падения без надежды. Смогу ли я когда-нибудь удариться о землю? Короткое мгновение прыжка между Страной Чудес и реальным миром растягивалось в таких снах на часы.

Но я не собирался делиться чем-то настолько личным «под запись» в тетрадочку для доктора Хэйза, которую Алиса всё ещё сжимала в руках.

— Снилось, что я проснулся, позавтракал, а потом пришли вы и спросили, что мне снилось. — Я прищурился как довольный кот и подпер подбородок рукой. — Я ответил, что мне снилось, как я проснулся, позавтракал... Боюсь, это был сон внутри сна внутри другого сна. Как детская песенка без начала и конца.

Алиса кашлянула, а я смотрел, как серебристый браслет слегка болтается под строгим синим рукавом её официального платья. Мои часы. Вчера их не было, а сейчас она одернула рукав и слегка нахмурила брови, но никак не решалась задать вопрос. Ради таких моментов и стоило просыпаться по утрам.

— Вы что-то хотите спросить? — я решил подтолкнуть наш разговор в нужное русло.

— Вчера вы были несколько, — она задумалась, подбирая нужное слово, — пассивны. А сейчас чрезмерно веселы. Ваша речь не спутана, мысли не скачут. На обычное помутнение сознания не похоже.

Я невольно рассмеялся. В детстве Алиса ко всему подходила с дотошностью, как и подобает дочери врача, но сейчас она умудрилась превзойти саму себя.

— Так бывает, когда взрослый человек высыпается, — не скрывая удовольствия объяснил я. — Редкое явление, но

лучше лекарства для хорошего настроения врачи пока не смогли придумать. Впрочем, нет, есть ещё одно средство...

Я многозначительно склонил голову и приподнял бровь. Моя невинная шутка произвела на девушку неизгладимое впечатление, но, к сожалению, совсем не то, на которое я рассчитывал. Алиса не смутилась, не покраснела, а спохватилась и начала поспешно готовиться к моему утреннему протиранию: поправила таз с водой на табурете, разложила чистое полотенце выполняя каждое движение так, словно от этого зависела её репутация.

Ну нет, я заставлю Алису ощутить себя женщиной. Мне не нужна сиделка, мне нужна девушка, которая подарила мне первый невинно-неловкий поцелуй.

Нарочито медленно я расстегнул рубашку, ловко подцепляя пуговички. Ткань скользнула по взмокшему после беспокойного сна телу, открывая широкие плечи, жесткие линии лопаток, вены, проступающие на рельефных предплечьях. Алиса замерла, сжав полотенце в руках.

Рубашка спала, открыв голый торс. Я медленно, со вздохом выпрямился, потянулся и мягко прогнулся в позвоночнике. Сцепил костяшки длинных тонких пальцев над головой. Выдохнул, тряхнув длинной шевелюрой. Замер, позволяя себя рассмотреть хорошенько.

Контраст между беспомощными ногами и сильным торсом производил впечатление на каждую из сиделок. Особенно когда его видели впервые.

Алиса взгляд не отвела, скользнула от ног, по дорожке волос на животе к груди, прикусила губу. Её уши вспыхнули и покраснелись.

Я почувствовал разгорающийся огонь удовлетворения внизу живота и с удовольствием усмехнулся: какой бы чопорной ни была мисс Лидделл, любопытство — хороший признак. Значит можно было пробудить и азарт, который подавляли в благовоспитанной девочке на протяжении всей жизни.

— Чего вы пытаетесь добиться, красуясь передо мной?

Она так резко двинула ко мне кресло на колёсиках, что то начало заваливаться набок.

Мы метнулись одновременно, чуть не соприкоснувшись пальцами. Алиса вцепилась в спинку кресла, я перехватил подлокотник и посмотрел в глубокие голубые глаза с расширенными зрачками.

— Стараюсь вернуть себе давно забытое ощущение, — игриво произнёс я, расплываясь в улыбке. — Почувствовать себя привлекательным мужчиной перед симпатичной сиделкой. А что, нельзя?

Она тихо вздохнула и посмотрела на меня с укором. Выпрямилась и сделала новую пометку. Ну да, в этот раз я заслужил.

Подтянувшись на руках, я перенёс тело в кресло плавным привычным движением. Алиса протянула мне влажное полотенце и демонстративно отвернулась к окну, пока я совер-

шал ежедневные гигиенические процедуры.

От процедур мы плавно перешли к завтраку. Алиса то и дело что-то записывала, фиксировала в журнале каждое моё движение, смущенно скрываясь за обложкой. А я в нетерпении думал, что делать. Не только с записями — с самой Алисой. Вчерашняя внезапная прореха, возникшая из ниоткуда — дурной знак, как и запах роз, который витал сегодня в комнате: тяжелый, но не резкий, он заполнял каждую трещинку в комнате и не желал уходить. Раньше я никогда с таким не сталкивался и сейчас терялся в догадках, не появится ли следующая дыра в пространстве прямо сейчас, пока мы беседуем.

Пока я раздумывал, с чего бы начать трудный во всех смыслах разговор, размазывая кашу по тарелке, Алиса заговорила первой:

— Послушайте, — она поправила рукав платья, под которым скрывался серебряный браслет часов. — Скажите, откуда вы узнали загадку про ворона и стол?

— Вы пока не готовы услышать правду.

— Почему?

— Знаете, какая самая заразная болезнь в стенах лечебницы? — поинтересовался я, разглядывая собственное отражение в ложке.

Не хотелось испытывать Алису как многочисленных сиделок до неё, но лучше подготовиться к тому, что происходит на самом деле, особенно после вчерашнего тревожного зна-

ка. Не все доходили до конца, но я надеялся, что моя Алиса сможет.

— К чему вы клоните? — она подняла подбородок, оторвалась от записей.

— Ску-ука, — протянул нараспев я, взмахнув прибором в воздухе. — Мисс Лидделл, ваш пациент смертельно болен. Пока вы тщательно изучаете конспекты ваших предшественников, здесь и сейчас я погибаю от скуки.

— Мистер Хэдлесс, — Алиса свела брови к переносице и наморщила аккуратненький носик. — Я здесь не для того, чтобы развлекать вас.

— Даже самую малость? — Я сложил пальцы свободной руки «щепотью», оставляя небольшой зазор между большим и указательным и показывая, насколько мизерные усилия требуются от неё. — Нет, я мог бы рассказать вам про ворона, стол и ваши часы, но сейчас вы не поверите ни единому слову. Ваш разум, вышколенный медицинскими учебниками и Найтингейлской школой, отвергнет всё, что нельзя взвесить или измерить.

— Откуда вы знаете? — запротестовала Алиса, немедленно скрестив руки на груди.

— Потому что вы моя шестнадцатая, — я подчеркнул последнее слово особой интонацией, — сиделка. У вас у всех один и тот же взгляд.

Слишком внимательный, слишком настороженный, как у мыши, которая замерла и принюхивается, не скрывается ли

поблизости кошки. Меньше всего хотелось видеть подобное выражение лица именно у моей Алисы.

— И что же вы предлагаете? — моя сиделка резко вскинула голову и приподняла бровь.

— Игру, — звякнув ложкой о тарелку, я решительно отложил завтрак в сторону и нагнулся ближе к девушке, замечая слабый румянец на бледной коже.

— Вы имеете в виду карты или шахматы? — попыталась предположить она.

Я поморщился. Никогда не любил карты — они навевали не самые приятные воспоминания о Стране Чудес и Красной королеве. Впрочем, как и шахматы, в которые та предпочитала играть на досуге, используя для этого слуг и смотря, как на доске люди рискуют жизнью, чтобы не лишиться головы.

— Что вы, я не опускаюсь до подобной вульгарщины. Всё-таки я джентльмен. Вы когда-нибудь играли с сёстрами в «Слабо — не слабо?». Слабо ли тебе съесть дольку лимона или забраться на стол и прокукарекать, или не спать всю ночь?

Глаза Алисы округлились. Я вскинул руку и чуть не рассмеялся, представляя, что она могла подумать о заданиях, рожденных в голове у безумца.

— Всего у нас будет пять заданий. Не пошлые и легкие. Как только справляетесь с предыдущим — получаете следующее и право задать вопрос мне, на который я отвечу честно и откровенно. Не о часах — они на десерт, но каждое новое

условие будет приближать вас к разгадке.

— А если я не справляюсь?

— Тогда вы ответите на мой вопрос честно и без увёрток. А то вчера мне показалось мало.

Она совсем по-детски надула губки.

— В конце пятого задания, — продолжил я, — если справитесь со всеми, сможете спросить меня хоть про часы, хоть про ворона, хоть про то, что такое Брандашмыг.

Алиса уже открыла рот, но я приложил указательный палец к своим губам и покачал головой.

— В конце, — повторил я. — Как только все задания будут выполнены.

Алиса опустила глаза и завертела указательными пальцами.

— И какое первое задание? — в её голосе вдруг зазвучала робость.

— Слабо вам, мисс Лидделл, выйти вечером в сад, найти серого дымчатого кота и заговорить с ним?

Глава 14. Когда слухи превращаются в домыслы

Алиса

Я еле сдержала смехок. Задание показалось не безумным — всего лишь странным, но вполне понятным. Хэдлесс устал одиннадцать лет томиться в комнате, где он знал каждую щель, а теперь искал любой предлог лишь бы выбраться отсюда. Поиск кота в саду — всего лишь предлог, пусть и весьма неумелый.

— Если вы хотите выйти в сад, я попрошу доктора Хэйза скорректировать ваше расписание, — заметила я.

Прогулок в качестве ежедневного досуга у Мэттью Хэдлесса не значилось, более того, стояла приписка о том, что ему строжайше запрещено покидать палату. Странное решение. Даже тюремные заключенные, по моему мнению, содержались в лучших условиях, чем один единственный истерик, который вчера разбил чашку о стену, испугавшись птицу.

— Вряд ли у вас это получится. Я за девять лет заточения здесь даже второй этаж не видел. — Мэттью мотнул головой, и на его лице промелькнула тоска. — Придется вам самим найти кота и поговорить с ним. Хотя прогулка с вами мне была бы приятна.

— Значит, мне надо найти кота в саду и позвать его?

— Вроде того.

Мне показалось, что Хэдлесс что-то недоговаривал. Я су-дорожно искала в его задании подводные камни, подтекст, тайный замысел.

— Но как вы поймёте, что я говорила с котом?

— Я поверю вашему подробному рассказу.

Я кашлянула и уже собиралась добавить, что попробую что-нибудь придумать, как дверь резко распахнулась, и в палату вошел доктор Мердок.

— Всем доброго утречка, — громогласно объявил он, кинул взгляд на Мэттью, поправил шейный платок и обворожительно улыбнулся.

Его чёрные усы так блестели при свете керосиновой лампы, что я терялась в догадках, сколько же воска он потратил для придания им идеальной формы. Возможно, они могли бы занять первый приз на каком-нибудь конкурсе в Лондоне как настоящее произведение современного искусства.

— Доброе утро, мистер Мердок, — мне пришлось ущипнуть себя, лишь бы отвлечься от глупых мыслей и сосредоточиться на докладе: — Мистер Хэдлесс проснулся в обычное время, пульс учащён, но в пределах нормы, сэр. Аппетит хороший, настроение приподнятое.

Мердок выслушал меня вполуха и доброжелательно кивнул.

— Ну-с, Хэдлесс, как наши дела?

Мэттью не ответил — только плечами пожал и отвернул-

ся. Прежняя оживленность с него спала, плечи ссутулились, а лицо приняло выражение крайнего безразличия к происходящему. Перемена произошла настолько быстро, что я ошарашено моргнула, гадая, не померещился ли мне утренний разговор.

— Что ж, ничего нового, — пробурчал доктор под нос и принялся за рутинный осмотр: простукивание рук и ног, прощупывание шеи. — Вчера вы разбили чашку. С чем это было связано на этот раз?

Снова молчание, только колючий, недобрый взгляд в ответ, словно приглашение поиграть в угадайку. Мне стало неудобно: на моих глазах разворачивался странный бой, безмолвный, состоящий из игры в гляделки. Я ощущала себя не то третьей лишней, не то секундантом на дуэли.

— Мисс Лидделл, выйдите из палаты, пожалуйста, — бросил доктор мне, наградив очередной вежливой улыбкой. — Мистеру Хэдлессу требуется более тщательный осмотр, недопустимый для женских глаз.

Я подхватила пустую посуду и вышла из палаты, сгрудилась на стоящий рядом с входом стул для приходящей горничной. Дверь за мной закрылась неплотно, и сквозь щель время от времени слышался голос доктора Мердока. Он говорил приглушенно, прерываясь на осмотр, пока пациент молчал.

Через несколько минут, показавшихся мне в пустынном коридоре часами, доктор Мердок вышел из палаты и захлопнул дверь за собой с такой силой, что я подскочила от испуга.

Раздражённо скосив на меня взгляд, он помассировал виски и выругался под нос.

— Вы всё ещё тут, мисс Лидделл? — обратился он ко мне.

— Простите, сэр, — спохватилась я и подала ему журнал.

— Я хотела показать вам свои записи.

В ответ я получила одобрительную улыбку. Доктор Мердок взял у меня тетрадь, поспешно пробежался глазами по записям и одобрительно кивнул.

— Больше всего на свете мне бы хотелось двух вещей: больше здоровых пациентов и стабильности. Но, похоже, их не существует в природе, — пробормотал он под нос. — Скажите, а в присутствии Хэдлесса у вас не болит голова?

— Н-нет, — неуверенно ответила я.

— Странно. Обычно сиделки жаловались. Говорили, что чем дольше общаешься с ним — тем сильнее боли. Некоторые сбегали, не проработав и трёх дней.

Мердок неодобрительно поджал губы в тонкую ниточку.

— А вы сами не замечаете ничего подобного? — изумилась я, но тут же предположила, что воздействию могли быть подвержены только девушки как тонко чувствующие натуры.

— Я с юности страдаю от умеренных мигреней и, можно сказать, привык, — ответил со вздохом Мердок, подавая мне тетрадь обратно. — Но рисковать вашим здоровьем лишний раз мне бы не хотелось. Я устал каждые полгода-год видеть новое лицо.

— Благодарю за заботу, сэр.

— И ещё, скоро полнолуние. Вы же знаете наши порядки?

— Нет, сэр.

— Что ж, тогда я должен вас предупредить. Хэйз самолично запирает ворота лечебницы и усиливает охрану. Официально, чтобы лунатики и истерики не сбежали, а не официально...

Доктор устало пожал плечами. Мы отошли достаточно далеко от палаты, и аромат роз наконец-то сменился на привычный мне запах карболки. Освещение стало ярче, а полы — чище, но всё равно тени по углам ощущались неприятно, как вчера в палате, когда Хэдлесс попросил чай. Тогда я затылком почувствовала нечто чужеродное — посторонний взгляд.

— Будьте аккуратнее и не теряйте голову, — мягко попросил доктор Мердок, достал из кармана пиджака часы, сверил время и кивнул. — У вас на завтрак отведено полчаса, и вы уже опаздываете. Приятного аппетита.

Всё время трапезы я монотонно копалась ложкой в каше, думая о местных странностях, чем вызвала немалое беспокойство у Амелии. Кормили нас тем же, что подавали пациентам, разве что позволяли взять дополнительные пару кусков сахара и чай заваривали покрепче.

— Ты чего не ешь?

Когда я пришла в столовую, Амелия осталась последней из всей троицы и, видимо, почла за свой священный долг

проследить, чтобы я, новенькая, доела всё до последней ложки.

— Да так, — я задумалась. Наверное, она единственная, с кем я могла обсудить то, что меня волновало на самом деле, и не вызвать при этом ни священного трепета, ни прагматичного скептицизма. — Ты когда-нибудь видела в саду кота?

— Ты о таком сером, дымчатом?

Амелия неверяще уставилась на меня. В её глазах так и читалась готовность рассказать всё, что она знала и о чём только догадывалась.

— Наверное, — неуверенно предположила я.

Она наклонилась ближе и тихо зашептала:

— Откуда ты узнала про Чеширского кота? Тебе Изабелла сказала или сам Хэдлесс?

Я прищурилась. Каша показалась безвкусной и чрезмерно липкой. Вспомнился неприятный скрежет, который я слышала в полудрёме. Выходит, кот на острове и впрямь существовал. Бегал по территории лечебницы, скребся в двери по ночам, наводил ужас на персонал и пациентов.

— Что ещё за Чеширский кот? — уточнила я. — Почему именно Чеширский? Это новая порода такая?

Далёкое графство располагалось за милю от нас, но, подумав, я легко пришла к самому простому выводу: кота привёз кто-то из проживающих здесь людей, не желая расставаться с любимчиком.

— Как-то так... повелось, — Амелия растерянно пожа-

ла плечами и развела руками. — Изабелла однажды его так назвала, когда очередная сиделка о нём расспрашивала. Кажется, это было года полтора назад.

— Значит, я не первая сиделка, кого пациент с третьего этажа отправлял искать кота? — пробормотала я вслух, но Амелия меня услышала и закивала.

— И не последняя! — заговорщически выпалила она, но тут же прикусила костяшку указательного пальца. — Я хотела сказать: Хэдлесс не первый год так развлекается, когда ему скучно и он проверяет персонал на пригодность.

— И кто-нибудь видел этого кота раньше или это очередная местная страшилка?

Я усмехнулась. Как Хэдлесс, которого все боятся здесь до головной боли. Ещё немного, и главный врач обростёт ворохом связанных с ним суеверий. Наверняка он целыми днями пропадает в кабинете не просто так, а для проведения оккультных ритуалов.

— Да. Боб однажды его видел, но он никогда ничему не удивляется. И старшая медсестра. А Изабелла утверждает, что кот умеет искусно исчезать.

Она всплеснула руками в воздухе, растопылив пальцы и оглядевшись по сторонам. Я поморщилась, приподняв бровь.

— Ты хочешь сказать, что он поспешно скрывается в кустах?

— Нет, ты не поняла. Он исчезает по-настоящему. Мед-

ленно, частями, пока в воздухе не останется улыбка с мелкими-мелкими зубками. Опять же, это не мои слова, а Изабеллы.

Сиделка растянула губы, показывая, как это должно выглядеть, но ей недоставало того воздушного флёра Изабеллы, чтобы слова звучали по-настоящему зловеще. Даже моя сестра лучше справилась бы и смогла бы меня напугать.

Я с тоской припомнила наши посиделки, когда сестра устраивала для нас с Эдит ночи страшилок при дрожащем свете фонаря. Мы перешептывались тайком, боясь, что родители услышат наши голоса, будут ругаться и отправят спать. А потом Эдит не стало, и всё прекратилось.

Амелия заметила перемену на моём лице.

— Не бойся, — ласково попросила она. — Ты же не собираешься играть с Хэдлессом в его глупые игры?

— А если собираюсь?

Встреча с котом не может быть настолько опасна. Он не волк и не дикий кабан, а всего лишь давно живущее здесь домашнее животное. Если местный персонал предпочитал верить в мистические предрассудки и травить истории о котах-призраках, я собиралась их проверить и опровергнуть.

Амелия вздрогнула, хотела прикрыть рот ладошкой, но я поймала её запястье.

— Не стоит. Ни одну сиделку до тебя эти глупые игры до добра не доводили. Одну из сиделок пришлось перевести на второй этаж на лечение. — Её взгляд потух, а голос превра-

тился в тревожный полусшепот: — Скажи, что не собираешься искать кота в одиночку, пожалуйста!

— Что ты, — я расплылась в заговорщической ухмылке и накрыла её ладонь своей. — Я выбью прошение у доктора Хэйза на вечерние прогулки и заставлю мистера Хэдлесса самого показать мне вашего таинственного пушистика, если он ему так нужен.

Если чему-то меня по-настоящему научил год в Найтингейлской школе, так это слушать, слышать и, главное, договариваться с больными, с коллегами, даже с самой старшей медсестрой. Однажды я смогла добиться внеочередного увольнения для выхода в город, чтобы навестить родных, хотя все твердили, что это невозможно. Теперь намеревалась проделать схожий трюк ради одного единственного пациента.

Главный врач сам отметил, что я не такая, как другие, а, значит, он прислушается к словам той, кому сам и навязал особенного пациента, иначе ему придется искать семнадцатую сиделку.

Глава 15. Разговоры в тишине

Мэтт

Алиса задерживалась.

Девять лет я существовал на третьем этаже, переполненный безразличием. За это время я привык и к смене сиделок, к процедурам врачей, которые в последнее время сошли на нет, и к расспросам доктора Хэйза в те немногие полнолуния, когда прорех открывалось так много, что я не успевал латать, и Страна Чудес распространялась на всю больницу.

Удушливый запах роз, который никто, кроме меня, не замечал, протекал сквозь половицы. И тогда второй этаж ожидал. У одних болела голова, другие мучились от кошмаров. Доктор Хэйз связывал загадочные явления с фазами луны, а я принимал их как очередную работу.

С появлением Алисы время в пустой палате как будто обрело плотность, стало вязким, неприятно склизким. Теперь каждая секунда её отсутствия полосовала по сердцу.

Что, если я её спугнул? Что, если она никогда не вернётся? Что, если прямо сейчас она пишет прошение об увольнении? Зачем я вообще решил начать сегодня? Она же тут не проработала и недели. Раньше задание действовало как лёгкий способ проверить нервы персонала, а что я преследовал теперь? Глупую попытку показать свой мир? Почему мне верилось, что, если Алиса не испугается кота, значит, однажды

сумеет принять и меня с историями о Стране Чудес?

— Наивный мальчишка, — раскатистый мягкий голос прозвучал эхом моих мыслей. Я встрепнулся и повернул голову к окну.

На подоконнике сидел серый дымчатый кот и нервно дёргал хвостом из стороны в сторону. Его пушистая шерсть переливалась дымчатым оттенком, как утренний прозрачный туман в тусклом свете керосиновых горелок.

— Чешир, — облегчённо выдохнул я. Приятно знать, что ты не сходишь с ума, а посторонний голос в одиночной палате принадлежит твоему единственному посетителю. — Пожалуйста, не пугай так больше.

Кот вплыл в комнату, скользнув через щёлочку окна, мягко спикировал на кровать рядом со мной. Подставил пузико и заурчал, как паровой котелок.

— Я принёс тебе прелюбопытную новость, Хэттер, — плавно пророкотал кот, жмуря изумрудные глаза.

— Так это ты вернул Алисе часы! — догадался я.

— Правильно говоришь, — кот расплылся в широкой улыбке. Его острые зубы блеснули белизной в утренних сумерках. — Решил проверить, как она тут обустраивается. Хранил их все эти годы, чтобы людишки не потеряли. Представляешь, часы сами пошли. Спустя одиннадцать лет.

Я почесал кота по подбородку. Шерсть под пальцами ощущалась необычно, словно проводишь рукой по густому туману и влага оседает на коже.

— Спасибо.

Чеширский кот зажмурился и дёрнул ухом.

— И что ты теперь собираешься делать, Хэттер?

Моя не то фамилия, не то прозвище отдалась фантомной болью в ногах, я поморщился и выдохнул сквозь зубы. Много раз просил Чешира так меня не называть, но тот со всей кошачьей элегантностью не обращал внимания на мои просьбы.

— Буду осторожно с ней сближаться. Верну воспоминания намёками, но для начала познакомлю с тобой. Ты весьма обворожительный и безопасный.

Кот неодобрительно фыркнул. Все эти годы он служил моей совестью, но за одиннадцать лет я так и не разгадал, что ему нужно было от меня. Кот многозначительно молчал, улыбался и легко ускользал даже от прямых расспросов.

— Глупый-глупый мальчишка. Я ему про часы, а он мне про девчонку. Ты что, не чувствуешь, в какую угодил мышеловку? Ты подарил другому человеку вещь из Страны Чудес.

Кот посмотрел на меня с презрением, как на последнего глупца, совершившего самый идиотский поступок в своей жизни. Я помотал головой.

— Я рассчитывал, что часы не привязались к ней, но ты, болван, подарил их, создал связь. Она приняла подарок. Ты передал ей магию, которая Алисе не принадлежит. Теперь твоя девочка часть Страны Чудес, как и мы с тобой.

Я растерянно потёр щёку и нахмурился, стараясь разга-

дать, к чему он завёл разговор о часах.

— Но я же дарил ей цветы, кормил едой оттуда. Что не так с часами?

— Совершенно всё! — зашипел кот, прижимая уши к голове. — Время! Ты подарил ей Время!

По спине прошёл неприятный холодок. Значит, новых прорех не избежать. Твари будут чувствовать Алису, как и меня, желать испытать её эмоций. Я один — то ещё бедствие, а теперь и Алиса разделит со мной неприятности. Разрыва реальности не избежать.

— И что мне делать?

— То, что намеревался, — протянул Чешир на вздохе, повёл хвостом. — Если она окажется достаточно безумна, чтобы не сбежать, когда встретит меня или когда перед ней откроется прореха, то справится и с остальным.

Он медленно растворился, одарив меня на прощание взглядом, в котором читалось нескрываемое презрение.

— Ты мне pomoжешь? — крикнул я ему вслед.

— Посмотрим-посмотрим, — донеслось из того места, где кот только что сидел.

Я огляделся. Осмотрел каждую стенку, каждую щель в моей комнате на небольшие разрывы. Пока всё было спокойно, но тишина теперь казалась обманчивой. Я подобрал с тумбочки пяльцы, осторожно вынул иглу, погладив её по тонкому стержню. Она помнила прикосновения моих пальцев лучше, чем любой человек в этой лечебнице.

Дверь открылась внезапно, заставив меня вздрогнуть. Алиса вошла в палату, сжимая в руке какую-то официальную бумагу, но по блеску глаз я сразу понял: её долгое отсутствие связано с какой-то чрезмерно приятной новостью.

— У меня получилось! — радостно объявила она, сдерживая ликование, которое так и прорывалось при каждом вздохе. Похоже, она и сама не ожидала, что у неё получится. — Доктор Хэйз разрешил прогулки. Один раз в неделю, в моём присутствии. Завтра днём мы можем выйти в сад.

— В самом деле?

Вместо ответа Алиса протянула мне лист, который оказался официальной распиской с настоящей печатью в конце. Я моргнул, потом ещё раз, чтобы убедиться в реальности происходящего.

— Как?

Невероятно. Совершенно невозможно.

Доктор Хэйз, продержавший меня в палате под замком и надзором персонала на протяжении одиннадцати лет, не мог пасть жертвой обаяния сиделки, которая работала здесь от силы второй день.

Глава 16. Маленькая победа — большие хлопоты

Алиса

Получить разрешение доктора Хэйза оказалось не так сложно. Труднее было выдержать его взгляд и каверзные вопросы.

В полумраке своей норы-кабинета доктор долго рассматривал меня в молчании. Я едва сдерживалась, чтобы не терев рукав платья, под которым скрывался серебряный браслет часов.

— Вы просите меня изменить расписание? — каждое слово главного врача звучало отдельно от предыдущего, как будто он складывал их воедино, как мозаику.

— Не перекроить, всего лишь добавить для Хэдлесса прогулки во дворе. Один час в день, не больше.

— Дайте взглянуть на ваши записи.

Он протянул руку, требуя журнал. Я осторожно достала тетрадь из кармана передника. Доктор Хэйз перехватил её, небрежно пролистал страницу за страницей.

Его лицо оставалось бесстрастным, но взгляд зацепился за нижнюю строчку на секунду-другую. Я уже знала, что его заинтересовала загадка Мэттью про ворона и письменный стол и моя пометка «Подопечный склонен к абстрактным вопро-

сам».

— Лаконично, — произнёс он наконец, перевернув страницу. — Даже слишком. Прощлые сиделки обычно тратили по две страницы в день, а у вас всего одна.

— Остальное не важно.

— Не важно, — медленно протянул Хэйз на долгом выдохе. — А что, скажите, важно?

— Вы содержите Хэдлесса одиннадцать лет в одиночестве на третьем этаже. Это... неправильно! Бесчеловечно! Он вам не животное.

Я вздрогнула от того, как резко прозвучали мои слова. Почему я защищала Хэдлесса? Наверное, во всём виноват тот факт, что за день, насыщенный событиями, мне надоело видеть, с какой боязнью и пренебрежением относились к человеку. За год учёбы мне приходилось ухаживать и за больными в тяжелой горячке, и за капризными стариками, но их содержали в общих палатах, относились как к равным и не строили таинственных теорий.

— Девять, — поправил меня Хэйз. — Первые два года он жил здесь как обычный пациент со второго этажа.

— И он говорит со мной! — продолжила я, не обращая внимания на слова доктора. — Шутит, делает комплименты, даже...

Я вспомнила утренние процедуры, оголённый торс, блестящий от пота и шумно сглотнула. Свет едва касался его кожи, но каждая линия выглядела отточено, гармонично. Ху-

дощавое, но сильное тело, красиво выделяющиеся ключицы, узоры проступающих вен на предплечьях.

— Даже что?

— Даже ведёт себя как обычный человек, — я скрестила руки на груди. — А это крайне редкое явление у истериков при обострении. Я уверена, что он здоровее любого, кого вы содержите на втором этаже.

Хэйз откинулся в кресле и сцепил длинные пальцы на груди. Только сейчас до меня дошло, что он разглядывал не меня, а коллекцию бабочек, которые занимали всю стену у меня за спиной.

— Вы не проработали здесь и дня, мисс Лидделл. Нет, — врач стремительно вынул из нагрудного кармана часы и сверил время, — всё-таки уже день. За это время вы успели составить мнение, которое противоречит наблюдениям пятнадцати предыдущих сиделок и трёх врачей. Мне приятно слышать, что Мэттью Хэдлесс смог вас заинтересовать, но вы не находите ваши действия несколько самонадеянными?

— Я достаточно изучила записи прошлых сиделок, чтобы составить мнение о нём. Я вижу, что он обычный человек, возможно, страдающий от истерии, но не опасный.

Доктор приподнял бровь и хмыкнул. Звук получился сухим, как шелест перевернутой страницы.

— Тогда как вы объясните его вчерашнее поведение? Он кинул в вас чашкой, верно?

— Она пролетела мимо. Полагаю, это была судорога, ко-

торыми сопровождаются некоторые нервные расстройства.

— Су-до-ро-га, — медленно, по слогам проговорил доктор Хэйз, прищурившись. Он снял очки и в задумчивости протёр их мягкими, плавными движениями, водрузил на место. — Скажите, как часто вы ощущали вчера на третьем этаже запах роз?

— Иногда, — осторожно ответила я. — Вашей уборщице стоило бы меньше разбрызгивать мыльную розовую воду и больше орудовать щеткой.

— Розовую?

— Да, ей весь этаж пропитан! Вам что, доктор Мердок не жаловался?

Хэйз усмехнулся, но промолчал, вежливо пропустив грубое замечание мимо ушей.

А мне захотелось провалиться под землю. Я вломилась в кабинет, движимая порывом и странным желанием наконец-то хоть в чём-то разобраться, нагрубила главному врачу, а он всё молча стерпел. Мама определённо была бы мной недовольна.

— Красивая вещь, — вдруг произнёс доктор. — Семейная реликвия?

Я замерла. Его взгляд скользнул к моему запястью. Манжета задралась от резкого движения и из-под неё выглядывал серебряный браслет. Я машинально одёрнула рукав, как будто прятала что-то постыдное или сокровенное.

— Да. От матери.

Доктор вздохнул, откинулся в кресле и подпёр подбородок рукой.

— Хорошо. Один раз в неделю, в сад, в вашем присутствии и не дольше часа. Если пациент захочет покинуть территорию, вы зовёте охрану. Если Хэдлесс вдруг заговорит о Королеве — я хочу узнать подробности вашего разговора первым. Не в числе первых, мисс Лидделл, а самымпервым. Всё понятно?

— Да, сэр, — почтительно ответила я, пусть и не поняла последнего условия. С чего бы Хэдлессу обсуждать со мной Королеву Викторию?

На всякий случай я сделала книксен.

Хэйз взял лист бумаги и поспешным, размашистым почерком что-то вывел на нём. Протянул мне.

— Это официальное разрешение на случай, если доктор Мердок или санитар Хаммер будут задавать вопросы.

Я благодарно приняла бумагу и пробежалась глазами по мелко исписанным строчкам, слегка сжала разрешение в пальцах. Внутри всё ликовало, будто я держала в руке табель с результатами экзаменов. Доктор доверял мне, а значит, точно знал, что я достаточно профессиональна и не подведу его.

Я взлетела на третий этаж, перепрыгивая через ступеньку, чувствуя, словно за спиной растут крылья.

У меня получилось! Я смогла вырвать своему подопечному немного свободы, возможность увидеть небо над головой,

коснуться листвы деревьев, вдохнуть свежий воздух. Наверняка он соскучился по простым, мирским ощущениям.

И вот теперь я смотрела на Мэттью Хэдлесса, сияя от счастья, а в ответ получала удивление, граничащее с сомнением. Насколько же он отчаялся за годы заточения, если не верил, что сиделки могут о нём по-настоящему заботиться?

Я кратко пересказала произошедшее в кабинете, намеренно опустив условия. Обо всех тонкостях нашего диалога пациенту знать необязательно. Главное, что завтра на закате нас ждала совместная прогулка и поиски таинственного ко-та.

— Да вам смелости не занимать... или глупости. Даже не знаю, чего больше, — под конец моего рассказа Хэдлесс не сдержался и звонко рассмеялся. — Подумать только! Вы ворвались в кабинет и нахамили главному врачу! Мне бы такое в голову никогда не пришло.

— Вообще-то я для вас стараюсь. Главное, что уже завтра я получу ответ на первый вопрос.

Я уже давно продумала, о чём хотела бы спросить, ещё при выходе из кабинета доктора Хэйза. О таинственном запахе роз, который пропитал всё пространство палаты и никак не желал выветриваться. Потому что мне всё меньше казалось, что во всём виновата горничная.

— С нетерпением его жду, — откликнулся Мэттью и подмигнул мне.

Весь день я ждала очередной неожиданности, но часы

мирно тикали на запястье, стрелка упорно указывала на цифру «пять», а Мэттью не кидался чашками.

Когда Хэдлесс вышивал — единственное занятие, которое у него не отобрали, время от времени я ловила на себе его внимательный взгляд. Поразительно, что нитки пациенту дали чёрные и белые, но он ухитрился так переплести их, что картинка выходила объёмная, со всеми оттенками серого. Стежки под умелыми движениями иглы ложились ровно, образуя красивый перелив.

— Что вы вышиваете? — спросила я, но Хэдлесс лишь загадочно ухмыльнулся.

— Ответ на ваш вопрос.

Я пригляделась к рисунку и по едва различимым переливам догадалась о кусочке неба с пушистыми белыми облаками.

— Какой?

— Последний, — он подмигнул мне. — О вороне и письменном столе.

Весь последующий день, сколько бы я ни присматривалась, так и не смогла разобрать ничего кроме тревожно-серого неба. Похоже придется подождать, прежде чем на картине появятся новые детали, но нас ничего не торопило.

А вот девушки моё сближение с подопечным и то, как он охотно разговаривал со мной, восприняли с дружным скептицизмом. Больше всех возмущалась Мэри-Энн, да ещё с таким видом, будто Мэттью лично испортил ей жизнь и дол-

жен понести более суровое наказание, чем быть запертым до конца жизни в одиночной палате.

— Попомните мои слова, мисс Лидделл, — под конец действительно заметила она, строго сверкнув глазами. — Вас наняли как обслугу, а не личную подружку пациенту! Вы нарушаете все мыслимые и немыслимые правила.

— Но Доктор Хэйз сам разрешил. Да и чем опасна прогулка раз в неделю? — не понимала я такого странного напора.

— Доктор Хэйз давно сошел с ума! — сиделка скрестила пухлые руки на груди. — Но я вам этого не говорила.

Даже Боб Хаммер долго не мог поверить в то, что Хэдлесса отпускали с третьего этажа.

— Вы, эт самое, — он почесал затылок, — не сами написали?

Я постаралась сдержать удивление и покачала головой:

— Нет, мистер Хаммер, всё официально. Или вы полагаете, что я и подпись главного врача скопировала? Откуда? Я тут всего второй день работаю.

— Вот именно, — пробубнил санитар, осмотрел бумажку, даже зачем-то понюхал её и глубокомысленно произнёс: — Хорошо. Раз, эт самое, доктор Хэйз разрешил, значит, можно. Только я его спускаю, а не вы.

— Хорошо, — согласилась я, коротко кивнув.

— И кресло тоже. Оно тяжелое. Не девичье дело тяжести таскать.

Хаммер вернул мне расписку, пробурчал что-то про то,

что он лично будет следить за нами, и пошел в сторону спальни, а мне предстояло дожидаться его сменщика и передать ключи.

Поздней ночью, в тишине комнаты при свете огарка свечи я аккуратно писала письмо для Лори.

Ежедневный отчёт вышел ещё короче, чем вчера.

Не описывать же улыбку пациента и выразительный взгляд, который он на меня то и дело кидал, словно хотел о чём-то попросить. Писать о часах, которые я нашла утром, но до сих пор ощущала на запястье их успокаивающее тепло? О том, что меня во второй же день втянули в детскую игру, а я не могла отказать и теперь мне предстояло найти местного блохастого кота? Об этом и так все знали, благодаря шумной Амелии и её языку без кости.

Вздохнув, я аккуратно вырвала чистый лист. Папа всегда советовал писать письма, когда хотелось упорядочить мысли. Обмакнув кончик металлического пера в чернильницу, я аккуратно вывела «Дорогая Шарлотта!», а дальше слова полились сами, как река, прорвавшая плотину.

Я описывала остров, персонал, Хэдлесса, хотя рассуждения о нём дались труднее прочих. Я никак не могла понять, как к нему относиться: как к безумцу или одинокому человеку, который по какой-то причине заперт тут и страдает от скуки. Под самый конец я поблагодарила сестру за найденные и тайком подкинутые часы.

Сложив лист вчетверо, я положила в конверт и запеча-

тала, словно поставила точку на том потоке мыслей, который смогла освободить. Я не знала, как скоро сестра получит письмо, если я завтра передам его для отправки, но страх перед новым днём отступил и его сменило любопытство, как в детстве, когда мы с Шарлоттой отправлялись на поиски привидения старого графа.

Глава 17. Небо над головой

Мэтт

Ночь прошла в тревожном предвкушении.

Порой, засыпая, я видел сад королевы.

Он всегда казался таким настоящим, словно я взаправду стоял там.

Повсюду цветут выкрашенные алой краской розы, и от их резкого запаха перехватывает дыхание. Иногда ко мне выходит она, Красная Королева, и протягивает руку в перчатке для поцелуя.

— Ты вернулся, мой Болваник, — с придыханием шепчет она.

Всякий раз я просыпаюсь и подолгу всматриваюсь в потолок, не находя ничего, кроме привычной тишины, тонких прожилок дерева и далекого храпа.

Сегодняшняя ночь не была исключением, а поутру я чувствовал себя настолько разбитым, что даже улыбка Алисы во время гигиенических процедур и её мягкие, аккуратные прикосновения не спасали. Не помогли и вежливые будничные расспросы, и то, что сегодня меня не мучили вопросы о снах, а к чаю девушка умудрилась раздобыть два куска сахара.

Вплоть до самого вечера день тянулся как старый скрипучий механизм. Я вышивал, почти не отдавая себе отчёта

ровно ли ложатся крестики, Алиса то уходила, то снова возвращалась. Мы говорили о чём-то незначительном: о погоде за окном, о моей вышивке и о том, как давно я ей увлекаюсь, о моей жизни на втором этаже. Всё меркло в сравнении с предстоящей прогулкой.

Наконец, под вечер, в комнату вошел Боб Хаммер и смеялся меня пугающим взглядом, в котором любопытство смешалось с настороженным неодобрением.

— Ну что, эт самое, погнали на прогулку? — прогудел он, обхватив толстыми пальцами ручку у спинки моего кресла.

— Пошли, — согласился я, пересаживаясь на кровать. Первым санитар спустил кресло, затем потащил и меня.

Пока санитар нёс меня на могучих руках сквозь залитые светом коридоры, осторожно ступал по ступенькам широкой деревянной лестницы, Алиса шла рядом и подсказывала дорогу. Я ощущал себя дорогой статуэткой, но, как мог, обхватил толстую шею санитаря, чем вызвал гримасу отвращения и жалобы. Мол, я худой и почти ничего не вешу, а потому должен лежать спокойно. Как он при этом не отступился, не пропустил ступеньку и донёс меня в целости и сохранности — непостижимо.

У подножия Молот бережно усадил меня обратно в кресло и, шумно отдуваясь, вытер лоб.

— Всё, дальше сам. Мисс Лидделл, у вас есть колокольчик?

— Нет, но не думаю, что с нами что-то случится за час

прогулки, — ответила Алиса, и я ощутил на себе её беглый, растерянный взгляд.

— Держите. Если что — звоните, — Хаммер вручил девушке железный колокольчик.

Алиса кивнула санитару, сунула колокольчик в передник и подхватила моё кресло.

— Ну что, пойдём искать вашего кота? — шепнула она, склонившись к моему уху.

Я подтолкнул колёсико кресла, и мы покатали. Давно не видел первый этаж. Думал, что коридоры здесь уже, но они оказались широкими, просторными и светлыми, зато в отличие от моего третьего этажа воняли не розами, а карболкой и лаком. Кому-то аромат может показаться несущественным или неприятным, но я предпочитал бы вдыхать по утрам что угодно, кроме цветочного аромата.

А ещё здесь сновали люди, искоса глядя на меня, слышался гул из столовой. За одной из дверей, мимо которых мы проезжали, я заметил библиотеку. Не помню, чтобы она была, когда меня заселяли.

Мы выехали в сад позади особняка. Вечером здесь почти никого не было — видимо, поэтому доктор Хэйз и назначил мне подобное время. Зато в тишине запахи и звуки ощущались особенно остро и приятно, напоминая о том, что жизнь продолжается. Место казалось спокойным, умиротворяющим, как и серое бескрайнее зимнее небо над головой. Только рассеянный туман, наплывал на остров и портил об-

щий вид.

В кустах щебетали птицы, прохладный воздух пах пожухлой листвой и промерзшей землей. Я блаженно зажмурился, подставил лицо ветру, позволяя ему растрепать волосы.

— Куда теперь? — уточнила Алиса.

Пришлось нехотя открыть глаза и, махнув рукой, указать на старый разросшийся дуб, под которым стояла широкая серая мраморная лавка.

— Туда. Это его любимое место.

Именно там я впервые встретил кота и чуть кресло не опрокинул. Чешир не был жутким, если не считать того, что он любил появляться из воздуха, но тогда мне показалось, что открылась прореха, а у меня при себе не было ни иглы, ни пальцев.

— Девять лет, — прошептал я, только сейчас осознавая, как всё изменилось. Кустарники разрослись, деревья стали выше, скамейка обзавелась новыми трещинами, а сам сад показался мне меньше. Впрочем, мне было тринадцать, когда меня сюда вывозили в последний раз.

— Я рада, что вы довольны, — Алиса улыбнулась и набросила мне на плечи белую шаль. — Не отказывайтесь, я вижу, что вы замёрзли. Вы обремените меня больше, если заболите, и мне придется дежурить у вашей постели и днём и ночью.

Алиса подкатила кресло к лавке, зафиксировала колёса и присела рядом, поправив полы шерстяного пальто. Мы за-

молчали. Тишину нарушали только далёкий птичий щебет, шорох ветра в голых ветвях да стук моего сердца, который, казалось, разносился по всему саду.

Я ждал. Чешир непременно должен был показаться, он обещал. Расплывчато, как и всегда, но он никогда не упускал случая появиться эффектно.

Прошло несколько минут. Туман над землёй начал медленно двигаться, словно кто-то перемешивал его как варево в котле. Я заметил, как Алиса поёжилась и поправила воротник пальто.

— Холодно? — спросил я.

— Нет. Просто... странное чувство. Как будто кто-то смотрит.

— Добрый вечер, мисс Лидделл, — произнёс вкрадчивый голос сверху, из кроны дерева, вернее — из сплетающихся голых ветвей. Листья уже давно опали и теперь осталась лишь черная паутина веток, которая закрывала серое небо. В воздухе, чуть выше толстого нижнего сука, показалась знакомая улыбка.

Глава 18. Говорящий кот порождает вопросы

Алиса

Я подняла голову и посмотрела туда, куда глядел Хэдлесс. Никаких сомнений: голос доносился сверху.

В воздухе висела улыбка. Именно такая, какой её описывала Амелия. Неестественно узкая и широкая, полная акульных зубов.

Я протёрла лоб, твердя про себя, что во всём виновата усталость, необычный климат или кот черный и сливается с ветвями дерева.

Над улыбкой вспыхнули два зелёных глаза. Я впилась ногтями в ладонь — проверить не сплю ли. Вдруг я уснула на скамейке и даже не заметила?

Боль отрезвила, но не помогла: улыбка осталась на месте, и глаза тоже. Следом в воздухе проступили очертания кошачьей головы, а за ней и туловища, словно невидимый художник медленно рисовал акварельными красками.

— Я сплю, — пробормотала я под нос, не в силах оторвать взгляд от того, как огромный котик легко спрыгивает с ветки дерева и мягко приземляется на лавку рядом.

— Не спишь, — Мэтт покачал головой, снисходительно улыбнувшись. — Я тоже его вижу.

— То есть он настоящий? Но он кот, и он говорит. Коты не должны говорить как люди! Они мурлычут, мяукают, шипят!

— Вы хотите, чтобы я сказал «мяу»? Пожалуйста, — сказал кот показательно мяукнул и недовольно дернул хвостом. — Теперь мы можем поговорить по-человечески?

Мэтт неловко кашлянул, подавив смешок.

— Простите, что не предупредил. Хотел увидеть вашу реакцию.

Хотя бы повадки у него сохранились кошачьи, и это немного успокаивало, впрочем, никак не объясняло его умение говорить и странное появление.

Итак, передо мной сидел настоящий кот, только шерсть у него была соткана из клочьев тумана, а от сияюще-белой улыбки бросало в дрожь.

— Ты призрак? — я постаралась припомнить что-нибудь похожее из рассказов сестры, но кот лишь фыркнул, и в его усмешке так и слышалось презрение ко всему роду человеческому и лично ко мне.

— Вот ещё, — недовольно прошипел он. — Конечно же нет. А называть настоящих котов призраками невежливо, мисс Лидделл.

— Простите, — смутилась я.

— Чеширский кот, это Алиса Лидделл. Алиса Лидделл, это Чеширский кот, — представил нас Мэтт, вовремя подъехав с другой стороны. — Он мой друг.

Я слегка шаркнула ножкой и сделала книксен, не вставая, потому что не знала, как иначе отреагировать в случае, когда представляют коту.

— Можно просто Чешир, — промурлыкал кот.

— И как давно вы знакомы?

— С самого детства этого несносного мальчишки, ещё когда он был безмозглым котёнком. Он тогда попал в... — начал кот, но вдруг распахнул глаза и резко закончил: — в заварушку. Но это не важно. Пока не важно.

— Можно тебя погладить? — я с опаской протянула руку.

Мне казалось, что кот исчезнет от любого, даже самого легкого прикосновения, как отрывок из сна, когда пытаешься вспомнить его после пробуждения.

Чеширский кот подставил лобастую голову под мои пальцы и сам потёрся о ладонь, громко урча. Шерсть на ощупь оказалась невероятно воздушная, как облака, если бы они могли спускаться на землю.

— Настоящий, — неверяще прошептала я.

— Конечно настоящий, — фыркнул кот так, словно я сказала что-то нелепое.

— И красивый какой, мягкий.

— Видишь? — Чешир раскатисто замурчал. — Она сразу поняла, что я красавчик, в отличие от других сиделок. Особенно той, что пыталась меня крестом изгнать и визжала “брысь!”.

— Ну, что скажешь по поводу Алисы? — обратился Хэд-

лесс к Чеширу, но тот даже в его сторону не взглянул. Он смотрел на меня так настороженно, что я почувствовала себя мышкой.

— У меня есть очень серьёзный вопрос: ты знаешь, что это за часы и кто их хозяин? — спросил Чешир, хотя в его голосе слышалось, что он знает ответ.

Он боднул мою руку, на которой я носила браслет с часами, и те громко затикали в тишине сада, по крайней мере, мне так показалось. Я одернула рукав и посмотрела на циферблат, где стрелка едва заметно подрагивала, но не сходила с цифры «пять».

— Они мамины, — неуверенно ответила я. — Семейная ценность.

— Ошибаешься, — кот покачал головой, и его усы дрогнули. — Эти часы сделаны не в вашем мире. Они принадлежали Белому Кролику.

Почему-то мне показалось, что кот говорит правду. А ещё что Белый Кролик — не фамилия и не прозвище, а такое же животное как и Чеширский Кот.

— Белый Кролик? — переспросила я, чувствуя, как мир под ногами начинает плыть. — Вы хотите сказать, что есть целый мир... — я запнулась, подбирая слова, — где существуют говорящие звери?

Чешир утомленно вздохнул как старый учитель в конце трудного урока.

— Не только звери, мисс Лидделл. Но сейчас для вас важ-

но другое: Белый Кролик никогда не расстается со своим временем просто так, — он повернул голову к Хэдлессу и прищурился. — Теперь у тебя, необычный мальчик, необычная девочка.

— Что ты имеешь в виду под словом «необычная»? — уточнил Мэттью, и мне не понравилась его настороженность.

— Все часы Кролика обладают особыми свойствами, — важно проворчал кот. — Их у него так много, что я устал запоминать какие для чего. Что делают эти — ума не приложу.

Чешир обнюхал ремешок, щекоча моё запястье усами, лизнул шершавым языком циферблат. На секунду морда кота приняла обескураженное выражение.

— Часы работают, и ты не сможешь их остановить, — медленно вывел он вердикт. — А когда стрелка остановится на двенадцати, случится что-то...

— Что? — Мэттью напряженно вскинул голову в сторону Чеширского кота.

— Не знаю, — кот фыркнул и повёл хвостом. — Может быть, что-то плохое, может, хорошее, но наверняка необычное, как и всё в Стране Чудес.

— И как быстро это должно произойти? — уточнила я, про себя отметив необычное название. Впрочем, чего я ожидала? Всё происходящее казалось странным сном на свежем воздухе.

— А разве это важно? То, что предопределено, случится, хочешь ты того или нет. Время любит убегать, но ненавидит

спешить. Оно просто приходит в нужный час. Пока прислушайся к себе, к тому, что эти часы для тебя значат.

— Они... красивые, — я пожала плечами и провела пальцем по циферблату. Стрелка прекратила биться обезумевшим маятником и остановилась, так и не сдвинувшись с места.

— И всё? — уточнил Чеширский кот.

Я повела бровью. Фамильная безделушка — как называла их мама, тем не менее они казались мне слишком ценными. Вдруг она их однажды купила на рынке, но не знала волшебных свойств...

Я зажмурилась, помассировала виски пальцами, наконец открыла глаза и повертела запястьем.

— Всё хорошо? — уточнил Мэттью, склонив голову набок и вздернув брови “домиком”.

— Они мне важны, — исправилась я. — Не потому, что «волшебные», как вы говорите, или из другого мира. Я чувствую, что не хочу с ними расставаться.

Чешир зажмурился и довольно заурчал.

— Интересное замечание.

Он спрыгнул со скамьи, мягко приземлился на мёрзлую траву, прошёлся взад-вперёд не оставляя следов, как будто парил в воздухе.

— Детеньши, — сказал он, обернувшись на нас, — вам пора возвращаться в ваш человечник. Ваш санитар уже высунулся в окно с обиженной миной. Заждался, бедолага.

Я оглянулась и увидела в окне силуэт Боба Хаммера. Он стоял у окна, скрестив руки на груди и сомкнув густые брови у переносицы, намекая, что время прогулки подходит к концу.

Я поднялась со скамейки и взялась за ручки кресла. Чешир уже начал таять, но напоследок задержался и прошептал:

— До скорой встречи, детёныши. Я буду за вами приглядывать.

Улыбка кота повисла в воздухе, но спешно растаяла, оставив после себя только отдалённый запах роз.

Я замерла, глядя на пустое место, где только что находился Чеширский кот. Холодный ветер ударил в лицо, и мир вернулся на круги своя. Остались лишь мы, скрип ветвей дерева над нашими головами и гул голосов в лечебнице

— Вы как? — спросил Мэттью тихо. Его голос прозвучал растерянно, как будто он ожидал совсем другого разговора. — Кажется, вы устали от нашей беседы.

Я повернулась к нему. Он выглядел необычно бледным, с тенью тревоги в глазах и смотрел на меня так, словно от моего ответа зависело всё.

— Я... — я сглотнула и провела ладонью по лицу. Сказать, что встреча вышла необычной — ничего не сказать. — Я хочу задать вам вопрос.

Вопрос про аромат роз показался теперь незначительным перед тем, что мне открылось. Существовал мир с говоря-

щими животными, и я только что общалась с одним из них, даже погладила его!

Я где-то слышала, кажется, читала в одной из папиных книг, что в день нельзя поверить в больше, чем в десяток невозможностей, а потому пока ограничилась двумя вещами. Котом, который прибыл из другого мира, и часами, свойств которых никто не знал.

— Конечно, — откликнулся Хэдлесс. — О чём вы хотите спросить?

— Чеширский кот упомянул какого-то Белого Кролика. Кто он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.